

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 18, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

- Красняков Н. И.* Западный край Российской империи и Польское восстание 1830–1831 гг.: вариант практики «русификации» региона 5
- Исаев В. И., Михеев Д. Ю.* Формирование службы осведомления в органах уголовного розыска в Сибири в 1920-е гг. 12
- Данилов И. Б.* Установление системы законодательства РСФСР о национально-государственном устройстве в 1917–1922 гг. 17

Частно-правовые (цивилистические) науки

- Матыцин Д. Е.* Этапы заключения и исполнения дистанционной инвестиционной сделки: правовой инструментarii превенции конфликтов участников 23
- Сукало В. А.* К вопросу о предоставлении гражданину земельного участка, находящегося в публичной собственности, без торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных 33

Уголовно-правовые науки

- Лубин А. Ф.* О понятии «раскрытие преступлений» 43
- Егорова Т. И.* Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в условиях российских пенитенциарных учреждений: состояние и меры противодействия 51
- Информация для авторов 59

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2022. Volume 18, № 3

CONTENTS

Theoretical and Historical Legal Sciences

- Krasnyakov N. I.* The Western edge of the Russian Empire and the Polish Uprising of 1830–1831: A Variant of the Practice of “Russification” of the Region 5
- Isaev V. I., Mikheev D. Y.* Formation of the Information Service in the Criminal Investigation Bodies in Siberia in the 1920s. 12
- Danilov I. B.* Establishment of the System of Legislation of the RSFSR on the National State Structure in 1917–1922 17

Private Law (Civilistic) Sciences

- Matytsin D. E.* Stages of a Remote Investment Deal: Legal Tools for Preventing Conflicts between Participants 23
- Sukalo V. A.* On the Issue of Providing a Citizen a Land Plot in Public Property without Bidding for Haymaking or Grazing of Farm Animals 33

Criminal Law Sciences

- Lubin A. F.* About the Concept of “Disclosure of Crimes” 43
- Egorova T. I.* The Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19) in the Conditions of Russian Penitentiary Institutions: The State and Counteraction Measures 51
- Instructions for Contributors 59

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3
Juridical Science and Practice, 2022, vol. 18, no. 3

Научная статья

УДК 34.096

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

Западный край Российской империи и Польское восстание 1830–1831 гг.: вариант практики «русификации» региона

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.krasnyakov@nsu.ru

Аннотация

Определяются некоторые исходные позиции в исследовании этнополитики в отдельно взятом регионе Российской империи – западном крае, при этом устанавливается взаимосвязь таких категорий как империя, многоукладность, русификация, унификация, государственное единство в контексте Польского восстания 1830–1831 гг. На основе законодательства и архивных материалов последовательно рассматриваются условия, идеи, направления, этапы и средства включения возвращенных от Польши территорий в единое политико-правовое пространство имперского государства. Утверждается мысль и создается убеждение, что государственное единство Российской империи определялось исторически сложившимися условиями цивилизационного порядка как в центре, так и в регионах.

Ключевые слова

Российская империя, этнополитика, регион, многоукладность, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Западный край Российской империи и Польское восстание 1830–1831 гг.: вариант практики «русификации» региона // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 5–11. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

The Western Edge of the Russian Empire and the Polish Uprising of 1830–1831: A Variant of Practice of “Russification” of the Region

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

n.krasnyakov@nsu.ru

Abstract

Some initial positions in the study of ethnopolitics in a particular region of the Russian Empire – the western region – are determined, while the interrelation of such categories as empire, multiculturalism, Russification, unification, state unity in the context of the Polish Uprising of 1830–1831 is established. On the basis of legislation and archival materials, the conditions, ideas, directions, stages and means of including the territories returned from Poland into the unified political and legal space of the imperial state are consistently considered. The author asserts the idea and creates the belief that the state unity of the Russian Empire was determined by the historically established conditions of the civilizational order both in the center and in the regions.

Keywords

Russian Empire, Ethnopolitics, region, multiculturalism, unification, hierarchical structure

© Красняков Н. И., 2022

For citation

Krasnyakov N. I. The Western Edge of the Russian Empire and the Polish Uprising of 1830–1831: A Variant of Practice of “Russification” of the Region. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 5–11. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

Политико-правовая категория «империя» и связанные с нею вопросы сравнительно-правового, теоретико-историко-правового характера в настоящее время выступают широкой базой для научной дискуссии, поскольку имперский фактор государственности имеет фундаментальный смысл в общественном сознании и междисциплинарное значение в научных исследованиях различных отраслей знания. Тем более, что империи характеризуются динамическими свойствами иерархий общества, государства, права и на методологическом уровне позволяют обозначать и квалифицировать культурно-идеологические, социально-экономические и политические условия эволюции, в том числе это касается Российской империи. При всей сложности идентификации категории «империя», во многом идеологической и оценочной современной составляющей этого предмета изучения, тем не менее предпринимаются попытки отразить и ее государственно-правовую природу и выделить «юридические признаки» [1].

В исследовании мы будем исходить из того постулата, что формирование и реализация регионального управления в империи и соответственно этнополитики – процесс длительный и зависит от ряда особенностей вне- и внутрирегионального характера: этнокультурных и религиозных традиций, времени вхождения территории в состав империи, оформления и организации административной системы региона, возможности самостоятельной деятельности важнейших институтов управления данной территории в различной политической и правовой ситуации, взаимоотношений региона и центра, соотношения доверия-усмотрения и господства-иерархии между структурами государственной власти на местах и сферой местного управления [3].

Однако важно и стоит признать факт того, что для укрепления империи необходимо было создать критическую массу русского населения по всей территории государства, которое и стало этнодемографической основой государственной целостности, потому важнейшую роль в империостроительстве должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько крестьяне-переселенцы, русский язык и общеимперское образование. При этом заметим, что время от времени возобновляющаяся дискуссия относительно принудительной русификации национальных регионов, по нашему убеждению, имеет мало оснований для логического вывода ввиду размытости самого понятия, заведомо во многом негативного смысла ему придаваемого и, наконец, закономерности самой практики такого расселения в составе империи. В рамках того, что элементы деконцентрации и общественного самоуправления всегда сохранялись во внутреннем устройстве России, как подчеркивает известный историк права Л. Е. Лаптева [4, с. 197], а в основе сословного деления населения окраин на законодательном уровне гарантировались иные вероисповедания и местные обычаи, можно заключить, что основные права всего народонаселения империи – и внутренних губерний и национальных регионов определялись из единых подходов верховной власти. Следует признать полезным обобщение принудительной интеграционной политики имперского центра в западных административно-обособленных национальных территориях, выделенное известным специалистом А. И. Миллером, которое нашло выражение в употреблении понятия «многообразие русификаций» – пространства, религиозная, языковая, культурная. Ученый, ссылаясь на обобщенные данные, перечисляет еще и такие виды: спонтанная, административная, насильственная (стремление насадить русский язык и православие) и, наконец, христианизация, ассимиляция, сближение, слияние, цивилизация, обрусение [5, с. 344]. В том же контексте американский исследователь Эдвард Таден, стараясь перевести смысл понятия «русификация» в содержательный аспект, выделяет административную и культурную русификацию, а кроме того еще одну – совершенно отдельную, незапланированную – «само по себе происходящее» обрусение [6, с. 250].

К началу XIX в. лишь в Белоруссии действовали общеимперские административные и судебные учреждения, а в губерниях Минской, Изяславской и Брацлавской (основная часть присоединенных по второму разделу территорий), а также в Виленской и Слонимской (присоединенная по третьему разделу Литва) были сохранены местные начала в управлении. С началом XIX в., после павловских противоречивых преобразований, вступление на престол императора Александра I, как известно, связывали с утверждением либеральных планов, реформ государственного строительства и продолжением политики преобразований в духе легитимной монархии Екатерины II. Показательно для государственного единства, что уже 1 января 1802 г.¹ при изменении штатов губерний от 9 сентября 1801 г. в присоединенные ранее от Польши губернии назначены «по примеру Великороссийских Губерний, в каждом уезде по одному землемеру», т. е. в очередной раз западный край идентифицируется российской территорией. Указ от 19 мая 1802 г. раскрывает базирующиеся на общегосударственных интересах подходы нового монарха в отношении западных губерний: «почитаем справедливым постановить отныне, чтоб во всех сих губерниях назначение на места от избрания Дворянства зависящие, включая и Земские суды, производимо было на точном единообразном порядке в Учреждении о губерниях предписанном»². Как видим, принципиально изменена юридическая норма положения «суда и расправы» в редакции Павловского указа, подчеркнуто правило о законности жалованной грамоты дворянству в применении ее к выборам судей, подчиненность учреждений западных губерний Сенату, роль которого в надзоре за местным управлением являлась определяющей. В правовом регулировании поземельных правоотношений указом 1815 г. акцент смещался в столицу, предписывалось решенные и нерешенные межевыми судами дела формировать в реестры для представления их к министру юстиции и дальнейшего составления единой для России ведомости³, следовательно, распределение земельных владений окончательно переходило в руки центральных властей.

Продолжая политическими средствами ликвидировать управленческую традицию шляхетного дворянства, Александр I регламентирует деятельность сеймиков (концентрирующие не только местные, но и государственные полномочия областные дворянские съезды)⁴. Были утверждены правила о выборах в сеймики: право голоса, возможности быть избранным на должности, а также контроль губернаторов по их составу, за деятельностью руководивших сеймиками маршалов, за дворянской кассой и несением земских повинностей и сборов. Проблему возникшего перераспределения власти на местах решило толкование прав местной и преимуществ коронной администрации в 1809 г.⁵: в ситуации, если губернатором «принятые меры к прекращению беспорядков окажутся слабы, или будут в его стороны в сем случае какое упущение», то он увольнялся, в то же время требовалось «тех из дворян, которые объявятся зачинщиками... отсылать к суду, а последователей их лишать на все трехлетие право избрания». Значимое место сеймиков, таким образом, было полностью сведено к подчиненному положению, ответственность устанавливалась на основе имперского законодательства, и с ними уже никак не отождествлялись идеи автономного бытия в управлении. Квалифицировать в дальнейшем созданные правовые условия административного строя края в качестве «привилегий» уже было невозможно, его принципы имели мало различий с Россией. Потому в присоединенной к России по Тильзитскому договору в 1807 г. Белостокской области по императорскому указу 1808 г. были созданы типовые территориальные правительственные учреждения: областное правление, главный суд, приказ общественного призрения, дворянская дума и врачебная

¹ Полное собрание законов Российской империи—1. Т. 27. № 20099 (далее – ПСЗРИ).

² ПСЗРИ—1. Т. 27. № 20273.

³ ПСЗРИ—1. Т. 33. № 25958.

⁴ ПСЗРИ—1. Т. 28. № 21646.

⁵ ПСЗРИ—1. Т. 30. № 23513.

управа, а в областном городе образованы пограничная почтовая контора, городской и земский суды, полиция, городской магистрат и городская дума⁶.

Причиной дальнейшего реформирования административной и судебной организации в регионе стали польские волнения 1831 г. и их поддержка на присоединенных от Польши территориях. С целью предотвращения антиправительственных брожений в местном сообществе в 1831 г. в Могилевской и Витебской губерниях как по правительственной, так и по судебной части была введена общероссийская система⁷. Упразднялись прежние судебные инстанции западных губерний и прекратилось действие Литовского статута, но сохранялось право дворянства избирать председателей палат уголовного и гражданского суда. Присутственным местам и должностным лицам давались действующие в государстве наименования⁸, должностные лица администрации и суда назначались по решению коронных чиновников министерств. Главные суды становились уголовными палатами с назначаемыми и утверждаемыми правительством председателями. Советники губернских правлений, казенных и судебных палат назначались соответствующими министерствами по согласованию с генерал-губернаторами. Прежние «вольные» городские суды заменялись уездными судами, а заседатели и земские исправники по предложению губернатора вступали в должность по приказу губернского правления. Как и оговаривалось заранее, по окончании смуты в 1832 г. были возвращены выборы дворянством земских исправников, городничих и полицмейстеров⁹.

Поскольку революционная ситуация вынуждала правительство в особом порядке заниматься делами белорусских губерний, то был создан Западный комитет в составе председательствующего в Комитете министров, а также шефа жандармов, вице-канцлера, министров: военного, юстиции, государственных имуществ, внутренних дел и управляющих министерств: финансов и народного просвещения и обер-прокурор святейшего Синода. Перед комитетом была поставлена цель предложить меры для сближения возвращенных от Польши губерний с остальными частями империи¹⁰. Утверждению общеимперской системы в полном объеме способствовало введение русского языка в судопроизводство по всей Киевской губернии в 1832 г.¹¹, с условием, что «перемена эта вводилась постепенно и с наблюдением, чтобы не последовало от того никакой остановки в правосудии», с 1833 г. то же было установлено для Подольской и Волынской губерний.

С целью уяснения и разъяснения действия права по территории империи в 1832 г. предписывалось в западных губерниях уголовные дела рассматривать на основании польских узаконений только тогда, когда российские оказываются недостаточными¹². Вопросы ведомственной регламентации и организации судебных органов были решены в 1836 г. «по примеру губерний великороссийских»¹³: в гражданские и уголовные палаты западных губерний (кроме Киевской) избирались дворянством по два заседателя и один назначался от правительства местным начальством (он заменял заседателя от купечества, поскольку здесь оно было представлено не имевшими право выбирать евреями). В Киевской губернии, кроме двух заседателей от дворянства, выбирались еще два местным христианским купечеством; в числе судебных инстанций были учреждены сиротские суды. Вводились городские думы – в местах, где «доныне дум не существует, представлять об учреждении оных министерству внутренних дел, присовоку-

⁶ ПСЗРИ–1. Т. 30. № 23349.

⁷ ПСЗРИ–2. Т. 6. № 4233.

⁸ ПСЗРИ–2. Т. 6. № 4894.

⁹ ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5124.

¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 1–3 (далее – РГИА).

¹¹ ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5354.

¹² ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5459.

¹³ ПСЗРИ–2. Т. 11. № 9226.

пляя каждый раз нужные сведения о числе граждан и вообще торгующего класса жителей, о количестве городских доходов, расходов и проч.», причем одна треть членов магистратов могла быть избрана из евреев во всех городах, кроме Киева и Вильны.

Центральная власть и далее продолжила линию на постоянное и систематичное замещение местной правовой системы позитивным правом империи, тем более, что наблюдается общее стремление государства к единообразию в законодательстве путем его учета, иерархической структуризации и делению на основе отраслевого принципа по всей территории. Предпринятая попытка систематизации местного права в Западном Своде 1832–1838 гг. заключалась в исследовании оставшихся некоторых налоговых и сословных особенностей, но вследствие отмены действия источников местного гражданского права и процесса указом 1840 г. «О распространении силы и действия Российских гражданских законов, на все Западные возвращенные от Польши области»¹⁴, данный вариант законов для края не был утвержден. Документ был согласован для выработки единого подхода и устранения недоразумений между ведомствами и губернаторами на местах, поскольку, как отмечается в архивных материалах, прежде действовали «в белорусских: Витебской и Могилевской губерниях и в губерниях Киевской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской и в бывшей области Белостокской (что ныне Ковенская губерния) и Подольской» местные законы, «источником ких служат Литовский Статут и постановления Сеймов»¹⁵. В опубликованном проекте Свода местных законов западных губерний принимаемые меры обосновывались реальным положением в правовом регулировании публичных правоотношений в регионе: «гарантируя присоединяемым областям их прежний правопорядок, русская государственная власть санкционировала состояние, о котором ясного представления не имела»¹⁶.

В 1840 г. западные губернии уже обозначены как «издревле русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей» и предписывалось «всякое действие Литовского Статута и всех на основании сего Статута, или в дополнение к оному изданных сеймовых Конституций и иных постановлений прекратить, заменив их общими российскими узаконениями» как в решении дел по существу, так и «в образе и формах производства их и в разделении между присутственными местами». В том же году была приостановлена деятельность Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства – его функции и дела переданы в ведение министерства внутренних дел¹⁷, а в 1841 г. преобразованы губернии – вместо Белостокской области путем увеличения создана новая Брестская, Виленская же разделена на две – Виленскую и Россиенскую с центром в городе Россиены¹⁸. В правительственных и судебных учреждениях, а также в сословных дворянских собраниях вводился русский язык и общеимперский документооборот, при надзоре законности Министерством внутренних дел¹⁹. Ввиду учреждения общегосударственных судебных инстанций ликвидировались межевые суды, а дальнейшим размежеванием земель поручено было заняться Межевому департаменту Правительствующего Сената на основе общей инструкции. Закрепление такой формы регулирования внутренних отношений в данных губерниях нашло отражение непосредственно в виде разрешения «дворянам Магометанского закона», поселившимся издавна в западных губерниях, владеть недвижимыми населенными имениями, владеть крепостными людьми, держать в услужении по найму христиан²⁰.

¹⁴ ПСЗРИ–2. Т. 15. № 13591.

¹⁵ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 2.

¹⁶ Свод местных законов западных губерний. Проект / Издали М. Я. Пергамент и А. Э. Нольде. СПб., 1910. С. III.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 112. Л. 240–241.

¹⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Ед. хр. 1683. Л. 2–3.

¹⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Ед. хр. 411. Л. 4.

²⁰ ПСЗРИ–2. Т. 15. № 13592.

Результаты анализа и оценки рассмотренных нормативных правовых актов дают основу для некоторых суждений. «Жалованная» форма сохранения от имени монарха местных прав и привилегий, постепенное нивелирование административных различий присоединенных от Польши территорий с внутренними губерниями империи через встраивание правительственных учреждений в управление регионом, осуществление административно-территориальных переделов с целью недопущения консолидации власти в руках сочувствующих польской государственности, а затем планомерная ликвидация автономных начал в праве средствами общегосударственных институтов привели к подчинению западных губерний общеустановленному государственно-правовому режиму. Следствием утверждения единых мер в этой части империи стало закрытие в 1848 г. Комитета по делам западных губерний²¹: император признал «возможным дела по Западным губерниям подчинить общеустановленному порядку» и определил механизм рассмотрения дел территории по общей схеме – через министров и главноуправляющих отдельными частями для решения всех вопросов в Комитете министров.

Подводя итог, подчеркнем, что в продолжение ликвидации управленческой традиции шляхетного дворянства с начала XIX в. и до подавления Польского восстания 1830–1831 гг. создаются правила о выборах в сеймики (чем сведен его статус к подчиненному положению): право голоса и возможности быть избранным на должности; контроль губернаторов за их составом, за деятельностью руководивших сеймиками маршалов, за дворянской кассой и несением земских повинностей и сборов. Согласно такому подходу, в присоединенной в 1807 г. Белостокской области были созданы типовые территориальные правительственные учреждения.

Последовавшее далее реформирование административной и судебной организации в регионе было обусловлено польскими волнениями 1831 г. и их поддержкой в присоединенных от Польши территориях. Были упразднены прежние судебные инстанции западных губерний и прекращено действие постановлений Литовского статута, тем не менее за дворянством сохранялось право избирать из своей среды председателей палат уголовного и гражданского суда. Изменилась система управления по общегосударственному образцу – должностные лица администрации и суда назначались по решению коронных чиновников министерств. Вследствие систематичного замещения местной правовой системы позитивным правом империи и общего стремления власти к единообразию в законодательстве путем его учета, иерархической структуризации и деления на основе отраслевого принципа в 1832–1838 гг. была предпринята попытка в «присоединенных от Польши губерниях» создать Западный Свод. Однако уже в 1840 г. на край распространено действие гражданских законов империи, западные губернии обозначаются как «издревле русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей». В правительственных и судебных учреждениях, в сословных дворянских собраниях вводятся русский язык и общеимперский документооборот.

Таким образом, рассмотрение обозначенной проблематики подтверждает нашу концепцию о том, что государственное единство Российской империи определялось исторически сложившимися условиями цивилизационного порядка, к которым относятся: а) преемственность в обеспечении законодательством баланса интересов унитарного государства и особых прав и привилегий определенным порядком самоорганизованного социума периферийных регионов; б) бюрократическая монополия на власть при сложноцентрализованном механизме государства; в) пространственно-географические параметры региональной организации территории империи; г) национально-этнические и конфессиональные особенности сословно-структурированного социума; д) динамичные связи политического, экономического, социокультурного взаимодействия между входящими в состав полирегионального государства народами и территориями, которые выступали базой эволюционного развития территориально-законодательного устройства в имперской государственно-правовой конструкции России [2].

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Ед. хр. 41140. Л. 1–5; ПСЗРИ–2. Т. 23. № 21908.

Список литературы

1. **Кодан С. В.** Имперские параметры государства и права в России (вторая половина XVII – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88). С. 16–18.
2. **Красняков Н. И.** Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX вв. М.: Nota Bene, 2011. 373 с.
3. **Красняков Н. И.** К характеристике государственного управления территориями в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. // Конституционное развитие России: история и современность: Материалы Рос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: ИГП РАН, УрАГС, 2003. С. 187–190.
4. **Лаптева Л. Е.** Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 196–218.
5. **Миллер А. И.** Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. С. 340–357.
6. **Полвинен Т.** Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898 – 1904. СПб.: Европейский дом, 1997. 318 с.

References

1. **Kodan S. V.** Imperial parameters of the state and law in Russia (the second half of the XVII – the beginning of the XX century). *Russian Law Journal*, 2013, no. 1 (88), pp. 16–18. (in Russ.)
2. **Krasniakov N. I.** Imperial factor in the state administration of Russia in the XVIII – early XX centuries. Moscow, Nota Bene, 2011, 373 p. (in Russ.)
3. **Krasniakov N. I.** On the characteristics of state administration of territories in the Russian Empire of the XVIII – first half of the XIX centuries. In: *Constitutional development of Russia: history and modernity. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg, IGP RAS, UrAGS, 2003, pp. 187–190. (in Russ.)
4. **Lapteva L. E.** Evolution of management of central provinces in Russia of the XIX – early XX century. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 3, pp. 196–218. (in Russ.)
5. **Miller A. I.** Russian Nationalism in the Romanov Empire / *Nationalism in World History*. Edited by V. A. Tishkov, V. A. Shnirelman; Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay RAS. Moscow, 2007, pp. 340–357. (in Russ.)
6. **Polvinen T.** Derzhava and the outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland, 1898–1904. St. Petersburg, European House, 1997, 318 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент
SPIN 5429-3412

Information about the Autor

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor
SPIN 5429-3412

*Статья поступила в редакцию 23.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 30.09.2022*
*The article was submitted 23.08.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*

Научная статья

УДК 343.09

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-12-16

Формирование службы осведомления в органах уголовного розыска в Сибири в 1920-е гг.

**Виктор Иванович Исаев¹
Дмитрий Юрьевич Михеев²**

¹Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия

^{1, 2}Новосибирский военный институт войск национальной гвардии
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия

¹history49@mail.ru

²dimamix@list.ru

Аннотация

В статье исследуется становление службы осведомления органов уголовного розыска в Сибири в 1920-е гг. Анализируется деятельность уголовного розыска по получению оперативной информации из уголовной среды в условиях резкого роста преступности. Авторы приходят к выводам, что, не смотря на понимание советской властью значимости данного вида деятельности, организация оперативно-розыскной работы проходила сложно, при острой нехватке финансирования. В статье подчеркивается, что работа службы осведомления органов уголовного розыска была хорошо поставлена, главным образом, в городах. Недостаточные оперативно-агентурные возможности в сельской местности Сибири, как полагают авторы, были одной из причин низкой результативности в борьбе с преступностью на селе. В целом организация секретной работы уголовного розыска находила понимание у руководства правоохранными органами Сибири, повышала эффективность борьбы с преступностью. Именно в исследуемый период зародилась и окрепла система организации службы осведомления органов уголовного розыска, ставшая важной частью правоохранительной системы советского государства.

Ключевые слова

уголовный розыск, борьба с преступностью, Сибирь, советское государство и право, правоохранные органы, советская милиция, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования

Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Формирование службы осведомления в органах уголовного розыска в Сибири в 1920-е гг. // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 12–16. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-12-16

© Исаев В. И., Михеев Д. Ю., 2022

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3
Juridical Science and Practice, 2022, vol. 18, no. 3

Formation of the Information Service in the Criminal Investigation Bodies in Siberia in the 1920s

Viktor I. Isaev¹
Dmitriy Y. Mikheev²

¹Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russia

^{1,2}Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia

¹history49@mail.ru

²dimamix@list.ru

Abstract

The article examines the formation of the information service of the criminal investigation authorities in Siberia in the 1920s. The article analyzes the activities of the criminal investigation department to obtain operational information from the criminal environment in conditions of a sharp increase in crime. The authors come to the conclusion that the organization of operational investigative work was difficult, with an acute shortage of funding. The article emphasizes that the work of the information service of the criminal investigation authorities was well staged in the cities. Insufficient operational and agent capabilities in rural Siberia have led to the low effectiveness of the fight against crime in rural areas. In general, the activities of informants of the criminal investigation department increased the effectiveness of the fight against crime. During the period under study, the criminal investigation information service became an important part of the law enforcement system of the Soviet state.

Keywords

criminal investigation, crime fighting, Siberia, the Soviet state and law, law enforcement agencies, Soviet militia, operational investigative activities

For citation

Isaev V. I., Mikheev D. Y. Formation of the Information Service in the Criminal Investigation Bodies in Siberia in the 1920s. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 12–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-12-16

Становление органов уголовного розыска в Сибири развернулось после освобождения Сибири от белых войск. Резкий рост уголовной преступности настоятельно требовал создания специальных органов для расследования и предотвращения тяжких преступлений. С 1920 г. в составе губернских и уездных органов власти в Сибири стали формироваться службы уголовного розыска (далее – угро).

Во всех губернских центрах Сибири при отделах управления губисполкомов организовывались отделения уголовного розыска для борьбы с тяжкими преступлениями. В уездных центрах для этих целей при исполкомах создавались уголовно-следственные столы. В районах, где отсутствовали отделения угро, работа по расследованию, в том числе секретная работа с агентурой, возлагалась на начальников районных управлений милиции (РУМ). Во главе вертикали органов уголовного розыска находился Сибугрозыск, являвшийся подотделом в составе краевого управления рабоче-крестьянской милиции.

Отделение угро возглавлял начальник, являвшийся одновременно заместителем начальника управления милиции; личный состав подразделялся на проводивший следствие и дознание (активный) и занимавшийся оперативно-разыскной работой (секретный). Подотделы уголовного розыска в основном действовали в губернских и уездных городах, позднее в окружных центрах. В сельской местности работали прикомандированные к органам милиции сотрудники

угро. В середине 1926 г. в сельской местности имелось 27 таких сотрудников, в 1927–1928 гг. их число увеличилось до 38, в 1929 г. – до 54¹.

Основные розыскные мероприятия осуществляли так называемые разведчики – высшая категория секретных работников, занимавшихся главным образом установлением следов преступников и обнаружением нитей, ведущих к раскрытию самого преступления. Они же вербовали осведомителей, инструктировали и встречались с ними на конспиративных квартирах для получения необходимой информации, планирования и осуществления заданий и прочих мероприятий.

Значимость секретной работы понимали все руководящие лица административных органов. Однако четкой организации оперативно-розыскной работы в 1920–1923 гг. еще не сложилось, практически в этот период не было разделения личного состава угро на активную и секретную части.

Вербовкой осведомителей занимались почти все сотрудники угро, учета их не велось, оплата информации осуществлялась крайне редко. Да и насчитывалось их немного: в Омске имелось лишь 19 человек, а по всей Омской губернии – 30. Вербовались они исключительно из криминального элемента, на основе личных связей и взаимодействия с работниками угро. Увольнение последних со службы нередко приводило к утрате сотрудничества с завербованными ими лицами.

Скучно выделялись средства на данный вид работы. Так, на 1923/24 гг. Алтайский губернский административный отдел запросил на секретную работу 9,5 тыс. руб., но губисполком выделил только 5,7 тыс. (60,0 %). Для сравнения можно сказать, что канцелярии было выделено свыше 12,7 тыс. руб.² Но и выделенные средства часто тратились не по назначению. В 1923 г. в Новониколаевском губугро на неизвестные цели было потрачено 48 тыс. руб. денежными знаками 1922 г., предназначенных для организации секретной работы³.

Несколько улучшилась организация оперативной деятельности в угро Сибири к середине 1920-х гг. Серьезным шагом по развитию секретной работы стало создание в губернских городах Сибири специальных бригад из трех разведчиков для борьбы с тяжкими преступлениями.

Наметилась тенденция к расширению социальных групп, в которых происходила вербовка осведомителей. Так, в связи с ростом должностных преступлений в учреждениях (растраты, взяточничество, злоупотребления) перед угро была поставлена задача негласно взять под свой контроль происходящие в государственном аппарате процессы. В начале 1925 г. в Алтайской губернии в учреждения удалось внедрить 10 % общего числа осведомителей, хотя 90 % по-прежнему работали в общеуголовной среде. За информацию осведомители стали получать до 35 % от стоимости разысканного имущества.

Следует отметить, что в середине 1920-х гг. оперативные мероприятия угро Сибири были организованы на хорошем уровне. Вместе с тем подчеркнем, что их эффективность серьезно сдерживали два обстоятельства. По-прежнему секретная работа финансировалась скудно, к тому же проводилась, главным образом, в городах и в прилегающих к ним районах. Так, в 1925 г. в Барнауле насчитывалось 48 осведомителей, а всего по губернии – 111 человек⁴. Можно предположить, что при выделении денежных средств в достаточном объеме, результаты секретной работы угро могли быть еще более убедительны.

В Новосибирском округе в 1927 г. численность осведомителей в городах составила 75, в селах – 145, а всего – 220 человек. В 1928 г. их общее число достигло 329 человек, из них – 210 (69,8 %) в деревне. Из общего числа осведомителей 146 (44,4 %) – работало

¹ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Вып. 10. 1927. М., 1928. С. 94; Вып. 11. 1928. М., 1930. С. 101; ГАНО. Р. Ф-41. Оп. 1. Д. 291. Л. 72.

² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 52. Д. 63. Л. 2–4.

³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 45. Д. 73. Л. 20.

⁴ ГААК. Ф. 531. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–43; Д. 52. Л. 77–78.

в преступном мире, 75 (22,8 %) – в государственных учреждениях, 108 (32,8 %) – среди крестьянства в сельской местности. Только за вторую половину 1927 г. от осведомителей в Новосибирске в окружное угро поступило 1336 сводок (или 7,2 на одного осведомителя). Более 54 % информации, почерпнутой из сводок, оказалось полезной при раскрытии преступлений. Основания к оперативным разработкам с целью установления особо опасных преступников и пресечения возможных тяжких преступлений дали 20 % сводок⁵.

Как отмечалось ранее, работа секретных отделов угро Сибири была сосредоточена преимущественно в городах. В сельской местности ею были охвачены в основном райцентры. Оперативно-разыскная работа в сельской местности проводилась начальствующим составом РАО и старшими милиционерами с помощью доверенных лиц, которые сотрудничали с милицией добровольно, из патриотических соображений и без вознаграждения. Какова была численность таких доверенных лиц установить трудно, но они имелись в каждом населенном пункте. Помощь их была неоценима, поскольку они знали практически всех жителей сел и деревень. Легко определяли чужаков, кто и откуда прибыл, у кого остановился, а самое главное – хорошо знали все происходившее в жизни села. Подчеркнем, что, к сожалению, для угро, общее число секретных осведомителей на селе было недостаточным.

Неполные или запоздалые оперативно-агентурные данные о криминогенной обстановке в сельской местности Сибири особенно дали о себе знать в 1928–1929 гг., когда обострилась социально-политическая ситуация и резко выросло количество преступлений. Милиция и уголовный розыск не всегда успевали пресекать общеуголовные преступления, а также выявлять на стадии замысла лиц, подверженных антисоветским настроениям, которые были готовы к совершению контрреволюционных преступлений (убийствам сельских активистов, партийцев, госслужащих и др.). С учетом этого со второй половины 1928 г. доверенные лица, осведомители угро и другие агенты были переориентированы на выявление всевозможных преступлений и замыслов антисоветского характера⁶.

Довольно сложно оценить масштабы секретной работы, в том числе по вербовке агентуры. До октября 1928 г. в Сибирском краевом административном отделе отсутствовал полный и подробный учет личного состава секретной агентуры в городах и сельской местности. Лишь с 1929 г. этот показатель вошел в общий перечень сведений о работе милиции. По собранным данным, в крае насчитывалось примерно 2,7 тыс. лиц, ведущих агентурную работу. Один осведомитель в среднем приходился на 12 населенных пунктов. Однако территориальное размещение осведомителей было крайне неравномерным. В отдаленных местностях один секретный сотрудник приходился на десятки сел. В населенных пунктах, расположенных ближе к окружным центрам и районам, прилегавшим к сибирской железнодорожной магистрали, один осведомитель приходился примерно на пять поселений (по нашим подсчетам, иногда даже на меньшее число поселений)⁷.

Таким образом, в целом организация секретной работы уголовного розыска существенно усилила возможности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. В исследуемый период зародилась и постепенно окрепла система организации службы осведомления органов угро, ставшая важной частью правоохранительной системы советского государства.

Список обозначений и сокращений

ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

⁵ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 650. Л. 145, 147, 148.

⁶ ГАНО. Р. Ф-47. Оп. 1. Д. 694. Л. 50.

⁷ ГАНО. Р. Ф-288. Оп. 4. Д. 25. Л. 119 (подсчеты авторов).

Информация об авторах

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор
SPIN 9400-1141

Михеев Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук
SPIN 9682-4082

Information about the Authors

Viktor I. Isaev, Doctor of Historical Sciences, Professor
SPIN 9400-1141

Dmitriy Y. Mikheyev, PhD in History
SPIN 9682-4082

*Статья поступила в редакцию 24.09.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; я подозреваю, что ночью не вписался в поворот на скорости могло
занести руля к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 24.09.2022;
approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*

Научная статья

УДК 34.09

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-17-22

Установление системы законодательства РСФСР о национально-государственном устройстве в 1917–1922 гг.

Игорь Борисович Данилов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Новосибирск, Россия

0615222@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования и установления законодательства о национально-государственном устройстве РСФСР на первых этапах становления советской власти. Выявляются основные идеи, положенные в основу советской федерации, определяются формы их нормативного закрепления. Анализируются основные законодательные акты, регламентирующие права народов и наций в составе РСФСР. Устанавливается, что принципы организации советской федерации обеспечили значительную поддержку советской власти со стороны различных этносов на первых ее этапах, но заложили предпосылки для ряда негативных процессов в будущем.

Ключевые слова

национально-государственное устройство, национально-территориальное устройство, РСФСР, федерация, автономия, самоопределение, народность, нация

Для цитирования

Данилов И. Б. Установление системы законодательства РСФСР о национально-государственном устройстве в 1917–1922 гг. // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 17–22. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-17-22

Establishment of the RSFSR System of Legislation on the National State Structure in 1917–1922

Igor B. Danilov

Siberian State University of Geosystems and Technologies

Novosibirsk, Russian Federation

0615222@mail.ru

Annotation

The article examines the process of formation and establishment of legislation on the national state structure of the RSFSR at the first stages of the formation of Soviet power. The main ideas underlying the Soviet federation are identified, the forms of their normative consolidation are determined. The main legislative acts regulating the rights of peoples and nations within the RSFSR are analyzed. It is established that the principles of the organization of the Soviet federation provided significant support for the Soviet government from various ethnic groups in its early stages, but laid the prerequisites for a number of negative processes in the future.

Keywords

national-state structure, national-territorial structure, RSFSR, federation, autonomy, self-determination, nationality, nation

© Данилов И. Б., 2022

For citation

Danilov I. B. Establishment of the RSFSR System of Legislation on the National State Structure in 1917–1922. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 17–22. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-17-22

Первые годы советской власти были ознаменованы консолидацией значительных усилий государства с целью решения национального вопроса и определения основ будущего национально-территориального устройства страны. Учреждение советской федерации должно было основываться на единых, понятных и непротиворечивых принципах объединения многочисленных народностей и наций, проживающих в границах будущего СССР. От качества решения задач, поставленных в данной сфере, напрямую зависели перспектива объединения указанных народностей в единое государство, а также прочность создаваемой государственной конструкции.

Первоначально сущность федеративного устройства государства основывалась исключительно на теории национального вопроса В. И. Ленина. В исторических исследованиях подчеркивается, что сама эта теория не оставалась неизменной на протяжении времени. Она эволюционировала, адаптируясь к историческим и политическим реалиям, значительно видоизменяясь. Так, до 1917 г. основная идея В. И. Ленина сводилась к единству всех народов, по сути, исключая саму концепцию федерализма. Национальные различия нивелировались, необходимость создания культурно-национальных автономий отвергалась. В дальнейшем для получения широкой политической поддержки от различных этносов, проживающих на территории России, в деле свержения царизма и победы над противниками, В. И. Ленин провозгласил идеи этнонационализма, сконцентрировавшиеся в лозунге о праве наций на самоопределение. Указанный лозунг привлек на сторону советской власти абсолютное большинство народов и этносов России [6, с. 40]. Конкурирующей являлась идея единой и неделимой России, предполагавшая «растворение» народов и наций в монолитном унитарном государстве. Указанный подход не оказался востребованным в условиях подъема национального самосознания народов и поиска их национальной идентичности, что во многом и обеспечило победу концепции федерализма, обозначив в общих чертах конструкцию будущего советского государства.

С 1917 г. основным положением теории В. И. Ленина о национально-государственном устройстве становится равноправие народов, выраженное, в частности, в равном праве на развитие. Реализация данного права логичным образом подразумевает вытекающее из него право наций на самоопределение, включая возможность образования собственного государства. Отмечается, что данное положение впервые в истории развития права было признано официально, законодательным путем, именно советской властью. В дальнейшем оно получило развитие в международном праве, в настоящее время составляя один из его основных принципов [4, с. 24].

Вместе с тем В. И. Ленин не подразумевал, что право наций на самоопределение будет реализовано народами бывшей Российской империи путем отделения и образования собственного государства. Исследователи отмечают, что, требуя предоставления всем народам равенства и права на самоопределение, В. И. Ленин был убежден в том, что, получив такую возможность, коренные российские этносы не выйдут из состава государства, сохранив его целостность. Длительная история совместного проживания, многочисленные экономические и культурные связи должны были перевесить этнический национализм.

В соответствии с теорией В. И. Ленина советскому государству не следовало опасаться раздробленности России. Учение о перманентности пролетарской революции неизбежно приводило большевиков к выявлению главного и второстепенного на определенном этапе построения коммунистического общества. В конечном счете для них не было столь важным, где должна проходить государственная граница. Главными становились классовые интересы,

а именно сохранение союза между трудящимися всех наций для борьбы с мировой и этнонациональной буржуазией. Для большевиков не являлось принципиальным, сколько суверенных народов войдет в Россию. Федерация приспосабливалась не только для бывших российских этносов, но и для расширения ее до вселенских масштабов [4, с. 25].

Названные идеи отражены и в основополагающих актах – Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г. Так, ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г. устанавливала в качестве основной задачи «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»¹. Конституция СССР 1924 г. в первом разделе Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик указывала подобные цели: «Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью... новое союзное государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»².

Таким образом, базовый принцип национальной программы партии большевиков – право наций на самоопределение вплоть до образования собственного государства – рассматривался ими как временный. Развитие социалистического государства в конечном счете должно было привести к слиянию наций, созданию единого безнационального общемирового коммунистического сообщества [1, с. 4].

Законодательные основы национально-территориального устройства советского государства были заложены в конце 1917 г. – начале 1918 г. с принятием трех документов: Декларации прав народов России, Обращения СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Наибольшую значимость имел именно первый акт, поскольку он впервые установил нормативно-правовую основу деятельности государства в сфере решения национального вопроса. Были определены четыре отправных начала:

«1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»³.

Доктринальные идеи и программные лозунги о равноправии народов и наций и их праве на самоопределение, таким образом, получили нормативно-правовое закрепление и были расширены до упомянутых четырех пунктов.

Обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» содержало, прежде всего, положения о денонсации договоров «о захвате Константинополя», «о разделе Персии», «о разделе Турции», вместо которых провозглашалось право проживающих на соответствующих территориях народов свободно определять свою политическую судьбу. Кроме того, объявлялось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учрежде-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Постановление II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г. «Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

³ Декларация прав народов России (утв. СНК РСФСР 2 ноября 1917 г.) // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

ния объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»⁴. Таким образом, право наций на самоопределение было дополнительно подтверждено в отношении мусульманских народов.

Наконец, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, в ч. 2 ст. I официально определяла государственно-территориальное устройство Советской Российской Республики: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»⁵. Таким образом, российское государство провозглашалось федерацией, построенной по национальному признаку. В заключительном положении Декларация устанавливала право рабочих и крестьян каждой нации принимать участие в деятельности федерального правительства и остальных федеральных советских учреждений.

Окончательно федеративный статус Советской России был утвержден в первой Конституции РСФСР 1918 г. Имплементировав в свою структуру Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Конституция наделила упомянутые ранее положения Декларации высшей юридической силой, а кроме них установила еще одно положение в п. 11: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику»⁶.

Таким образом, происходила государственно-правовая институционализация этнических общностей, которые получали право на создание автономий, входящих в РСФСР на началах федерации. Учреждение субъектов федерации по национальному признаку имеет известные в науке достоинства, к числу которых следует отнести создание наиболее благоприятных условий для развития национальных культур, сохранения этнической самобытности, максимального учета прав малочисленных народностей. Вместе с тем справедливым представляется утверждение о том, что подобное государственное устройство неизбежно является источником особенно развитого внутри территориально-административных национальных образований этнонационализма, тормозящего консолидацию народов. Утопическое представление большевиков о будущем создании глобального безнационального общества, не подверженного национальным конфликтам и противоречиям, заложило серьезные изъяны в национально-территориальной модели государства, повлекшие в дальнейшем значительные проблемы для государства [5, с. 162].

Анализ процесса установления системы законодательства о национально-территориальном устройстве советского государства немислим без исследования практики деятельности такого специального органа, как Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац). Его существование было предусмотрено ст. 43 Конституции РСФСР 1918 г., которая устанавливала 18 народных комиссариатов, действующих в составе государственного аппарата. Пункт «к» определял комиссариат «по делам национальностей»⁷.

Следует отметить, что фактически Наркомнац был создан еще до принятия Конституции РСФСР 1918 г. II Всероссийский съезд Советов учредил данный орган 26 октября 1917 г. для осуществления национальной политики Советской Республики. Наркомнацу РСФСР была

⁴ Обращение СНК РСФСР, Народного Комиссариата по Делах Национальностей РСФСР от 24 ноября 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» // СУ РСФСР. 1917. № 6.

⁵ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25 января 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.

⁶ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1918.

⁷ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1918.

поставлена задача укрепления единства народов России, решения вопросов нациестроительства и совершенствования федеративных отношений.

Для выполнения своих функций в составе Наркомнаца формировались отделы, соответствующие отдельным этническим общностям в составе государства. Например, функционировали вотский, зырянский, польский, по делам немцев Поволжья и другие отделы [2, с. 49]. К концу 1918 г. были образованы армянский, белорусский, литовский, еврейский, мусульманский, немецкий, латышский, польский комиссариаты, а также киргизский, вотский, чувашский, коми-зырянский, горцев Кавказа, украинский, чехословацкий, эстонский, южнославянский отделы по национальным делам.

Основной функцией структурных подразделений Наркомнаца являлось доведение до сведения центральных органов советской власти основных потребностей соответствующих народностей и наций, а также постановка наиболее значимых проблем, которые надлежало решить. После формирования государственной автономии определенной нации ее национальный отдел в структуре Наркомнаца автоматически ликвидировался. Вместо него образовывалось представительство автономной единицы данного этноса.

В науке, в целом, деятельность Наркомнаца оценивается положительным образом. Отмечается, что благодаря интенсивной и эффективной деятельности этого комиссариата, к 1922 г. работа по созданию государственности народов в основном была завершена. В составе РСФСР в общей сложности уже насчитывалось 21 автономное образование: 11 республик и 10 областей.

II сессия ВЦИК, придя к выводу, что Наркомнац «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик», приняла 7 июля 1923 г. постановление: признать своевременной ликвидацию Наркомнаца РСФСР и поручила Президиуму ВЦИК установить порядок его ликвидации и передачи дел в соответствующие учреждения РСФСР [3, с. 21].

Таким образом, к началу 1920-х гг. общие контуры системы законодательства о национально-территориальном устройстве Советского государства уже были определены. Отправные положения, устанавливающие архитектуру советской федерации, основы нормативно-правового регулирования национального вопроса, права народностей и этнических групп, были сформулированы и закреплены в законодательных актах, указав дальнейший вектор развития российской государственности. В науке справедливо отмечается, что именно в этот исторический период были приняты основополагающие решения, оказавшие непосредственное влияние на всю историю Советского государства в разрезе его национального вопроса. Многие просчеты и недостатки проявились спустя значительное время, предопределив дальнейшую судьбу советской федерации.

Список литературы

1. **Вдовин А. И.** Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.
2. **Заметина Т. В.** Становление конституционных основ национальной политики в 1917–1940 годах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С. 46–51.
3. **Максимов К. Н.** Исторический опыт нациестроительства в РСФСР в 1920-е годы // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 1. С. 14–23.
4. **Минеева Е. К.** Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 23–33.
5. **Минеева Е. К.** Национальный вопрос в первые годы советской власти: теория и практика // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 2. С. 161–165.
6. **Тишков В. А.** Этнология и политика: Статьи 1989–2004 гг. М., 2005. 382 с.

References

1. **Vdovin A. I.** Evolution of the national policy of the USSR. 1917–1941. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 8. History*, 2002, no. 3, pp. 3–54. (in Russ.)
2. **Zametina T. V.** Formation of the constitutional foundations of national policy in 1917–1940. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 2, pp. 46–51. (in Russ.)
3. **Maximov K. N.** Historical experience of nation-building in the RSFSR in the 1920s. *Bulletin of the Kalmyk University*, 2018, no. 1, pp. 14–23. (in Russ.)
4. **Mineeva E. K.** People's Commissariat of the RSFSR: goals, objectives, structure. *Bulletin of the Chuvash University*, 2006, no. 7, pp. 23–33. (in Russ.)
5. **Mineeva E. K.** The national question in the first years of Soviet power: theory and practice. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2007, no. 2, pp. 161–165. (in Russ.)
6. **Tishkov V. A.** Ethnology and politics: Articles 1989–2004. Moscow, 2005, 382 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Данилов Игорь Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции
SPIN 2367-4310

Information about the Author

Igor B. Danilov, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence
SPIN 2367-4310

*Статья поступила в редакцию 21.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 30.09.2022*
*The article was submitted 21.08.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*

Научная статья

УДК 347.215

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-22-32

Этапы заключения и исполнения дистанционной инвестиционной сделки: правовой инструментарий превенции конфликтов участников

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

Международный юридический институт (Волжский филиал)
Волжский, Россия

dmatytsin@ya.ru

Аннотация

В статье исследуются правовые инструменты, обеспечивающие бесконфликтное на всех этапах осуществление инвестиционных сделок с использованием информационных технологий в сети Интернет. Выделены и подробно рассмотрены этапы осуществления дистанционной инвестиционной сделки. Разработан комплекс специальных условий и средств, которые при их сочетании обеспечивают превенцию потенциальных конфликтов между участниками дистанционных инвестиционных сделок. Предложено использовать схему полисубъектного юрисдикционного блокчейна, который позволяет обеспечить предупреждение потенциальных конфликтов между контрагентами, управление объективными и субъективными рисками сторон, достижение баланса и соблюдение взаимных интересов участников при совершении ими инвестиционных сделок в интернет-пространстве.

Ключевые слова

инвестирование, Интернет, информационные технологии, инвестиционная сделка, конфликты участников, превенция, блокчейн

Для цитирования

Матыцин Д. Е. Этапы заключения и исполнения дистанционной инвестиционной сделки: правовой инструментарий превенции конфликтов участников // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 23–32. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-22-32

Stages of the Remote Investment Deal: Legal Tools for Preventing Conflicts between Participants

Denis E. Matytsin

Volgograd State University
Volgograd, Russian Federation

International Law Institute (Volga Branch)
Volzhsky, Russian Federation

dmatytsin@ya.ru

Abstract

The article examines the legal instruments that ensure conflict-free execution and execution of investment transactions using information technologies on the Internet. The stages of implementation of a remote investment transaction are highlighted and considered in detail. A set of special conditions and tools has been developed, which, when combined, ensure the prevention of potential conflicts between participants in remote investment deals. It is proposed to use a scheme of a polysubject jurisdictional blockchain, which allows, firstly, to prevent potential conflicts between counter-

parties, secondly, to manage the objective and subjective risks of the parties, and thirdly, to achieve balance and respect the mutual interests of participants when they make investment deals in the Internet space.

Keywords

investing, Internet, remote deal, conflicts, prevention, blockchain

For citation

Matytsin D. E. Stages of the Remote Investment Deal: Legal Tools for Preventing Conflicts between Participants. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 23–32. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-22-32

В особых условиях современных внешнеэкономических отношений – в обстановке незаконных санкционных ограничений, сдерживающих развитие России – остро необходим поиск новых траекторий поддержания социальной стабильности и реализации масштабных программ импортозамещения. Основным направлением дальнейшего развития для нашей страны является формирование долгосрочных производственно-хозяйственных отношений и финансовое обеспечение предпринимательской активности в таких национальных отраслях и сферах, как фармацевтика, сельское хозяйство, самолетостроение, микроэлектроника, создание и выпуск медицинского и IT-оборудования, автомобилестроение, связь. Реализация этих задач взаимосвязана с развитием дополнительных механизмов инвестирования в предпринимательские проекты хозяйствующих субъектов.

Несомненно, современные способы инвестирования через объединение капиталов путем выпуска акций и облигаций остаются традиционным способом контроля организаций и финансирования потока инвестиций. В послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. Президент Российской Федерации указал на безусловный приоритет принятия новых законов «для создания правовой среды новой, цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»¹, поэтому инвестиционный инструмент объективно нуждается в расширении на основе новейших цифровых технологий, и отечественный законодатель принимает своевременные меры по развитию инвестиционных отношений. Переход к интенсивному использованию цифровых технологий на законодательном уровне в целом подготовлен. Об этом свидетельствует частота внесения дополнений и поправок в гражданское законодательство, создается специальное федеральное законодательство, касающееся регулирования инвестиционного оборота. Отчетливо заметен вектор законодателя на принятие апробированных зарубежных практик, имплементацию в отечественное правовое поле таких правовых механизмов, которые способны оказать благоприятное влияние на инвестиционный климат, нейтрализующее внешнеполитическое санкционное давление.

Динамичное развитие и расширение состава объектов гражданских прав² закономерно влечет возникновение новых правовых конструкций, ранее неизвестных ни законодательно-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 30.04.2022).

² Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224; Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. № 31. Ст. 4418; Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Там же. 2020. № 30. Ст. 4737; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. № 31. Ст. 5018.

му опыту регулирования общественных отношений, ни опыту судебного применения норм гражданского права. С переходом цивилизации к неоиндустриальному экономическому укладу все государства мира стремятся придать качественно новым отношениям соответствующее правовое оформление, достаточно острая необходимость в этом стоит в сфере частных инвестиций, где субъекты отношений находятся в неравных экономических и финансовых условиях. При этом все шире и чаще инвестиционные сделки совершаются сторонами дистанционно в особом информационном пространстве – информационно-телекоммуникационной сети Интернет³. Президент РФ в Указе № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 г. легитимирует информационное пространство как «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры», что вполне соответствует и применимо к дистанционным финансовым вложениям российских граждан в инвестиционном сегменте Интернета⁴.

Российские частные инвесторы – физические лица – проявляют большой интерес к совершению сделок в инвестиционном сегменте Интернета. По нашим оценкам, основанным, в том числе, на данных The Boston Consulting Group (BCG), финансовые активы в России с 2015 по 2021 г. росли примерно на 11 % ежегодно и превысили \$1,6 трлн. В 2021–2025 гг. рост финансовых активов в России составит до 6 % в год, они достигнут \$2,1 трлн в 2025 г. В указанный период пенсионная группа населения вырастет до 44 млн человек, миллионы людей из этой группы совершают сделки в инвестиционном сегменте Интернета, поскольку имеют для этого финансовые накопления и свободное время. Только на одной Мосбирже количество брокерских счетов частных инвесторов на октябрь 2021 г. выросло до 25 млн. Число физических лиц, имеющих доступ к биржевым рынкам, достигло 15,3 млн человек⁵. В то же время дистанционные инвестиционные сделки, которые российские частные инвесторы могут совершать в рамках новейшего инвестиционного законодательства, до последнего времени не рассматривались цивилистами в формате научно-квалификационной диссертационной работы; актуальность исследования избранной темы обусловлена, в том числе, тем, что не сформирована методология превенции конфликтов участников дистанционных инвестиционных отношений.

В текущий период, хотя в законодательстве США Российская Федерация закреплена как государство-противник, у российских частных инвесторов одной из наиболее популярных инвестиционных площадок остается Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE). На NYSE можно приобрести ценные бумаги, иные объекты инвестирования множества американских корпораций, а также компаний других стран, которые допущены к торгам на этой площадке. В России доступ к Нью-Йоркской фондовой бирже можно получить несколькими способами: при помощи сертификата квалифицированного инвестора, через Санкт-Петербургскую фондовую биржу, через Московскую фондовую биржу (здесь доступен весьма ограниченный круг ценных бумаг, торгующихся на Нью-Йоркской фондовой бирже, которые номинированы в рублях). На сегодня Нью-Йоркская фондовая биржа является крупнейшей в мире по рыночной капитализации компаний, котирующих ценные бумаги на ней, а также удерживает первое место по средствам, привлеченным в ходе IPO.

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 3 апреля 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁴ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁵ Статистика по клиентам за 2021 г. // Московская биржа: офиц. сайт. URL: <https://www.moex.com/s719> (дата обращения: 30.04.2022).

Как известно, история NYSE берет начало на собрании 24 биржевых маклеров в 1792 г., которое прошло на месте ныне Уолл-стрит в Нью-Йорке. Но официально это собрание оформилось только в 1817 г., получив название Нью-Йоркский фондовый и биржевой совет. Современное название NYSE получила лишь в 1863 г. На протяжении большей части истории биржи ее деятельность контролировалась участниками с членским статусом. С 1953 г. их число ограничивалось 1366, и единственным способом получения членства была покупка места у одного из текущих участников. Структура собственности NYSE изменилась в 2006 г., когда она объединилась с Archipelago Holdings, образовав NYSE Group, Inc. – публичную компанию. Все участники с членским статусом стали акционерами группы NYSE. Биржа продолжила расширение, в 2008 г. приобретя Американскую фондовую биржу, а в 2017 г. – Национальную фондовую биржу, расположенную в штате Нью-Джерси. В результате слияния с европейским холдингом Euronext влияние NYSE распространилось по обе стороны Атлантического океана [6, с. 285–317].

Правовой статус Нью-Йоркской фондовой биржи, т. е. ее права, обязанности и ответственность как площадки для оборота объектов инвестирования, регулируется несколькими законодательными актами США. Прежде всего, следует указать Securities Act of 1933 – Закон о ценных бумагах 1933 г.⁶ Данный закон устанавливает два основных принципа инвестиционной деятельности, связанной с ценными бумагами: во-первых, инвесторы должны получать финансовую и иную важную информацию о ценных бумагах, выставляемых на публичную продажу; во-вторых, обман, искажение информации и другое мошенничество при продаже ценных бумаг запрещены. Основным средством воплощения в жизнь этих принципов является процедура регистрации ценных бумаг, в ходе которой и происходит раскрытие всей финансовой информации, необходимой инвесторам. Эта информация позволяет им принимать обоснованные решения о том, следует ли приобретать ценные бумаги той или иной компании. Надзор за процедурой регистрации ценных бумаг осуществляет специальный орган – Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC), однако она не может полностью гарантировать, что предоставленная информация будет точной. В связи с этим инвесторы имеют право потребовать возмещения убытков через суд, если смогут доказать, что понесли их в результате неполного или неточного раскрытия финансовой информации компанией-эмитентом ценных бумаг.

В регистрационных документах для размещения ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже указывается следующая информация: описание бизнес-процессов компании; краткая характеристика ценной бумаги, которая будет выставлена на продажу; сведения об органах управления компанией; независимая финансовая отчетность. Регистрационное заявление и прилагаемые к нему документы становятся общедоступными после подачи заявки в SEC, которая проводит проверку на соответствие пакета документов требованиям к раскрытию информации. При этом следует отметить, что SEC регистрирует не все ценные бумаги – к исключениям относятся ценные бумаги органов власти (муниципальных, федеральных и штатов).

Деятельность самой Комиссии по ценным бумагам и биржам регулируется специальным актом – Securities Exchange Act of 1934 – Законом об обмене ценными бумагами 1934 г.⁷ Закон наделяет SEC широкими полномочиями не только по регистрации ценных бумаг, но и по регулированию и надзору за брокерскими фирмами, агентами, а также национальными саморегулируемыми организациями по ценным бумагам. Закон также уполномочивает SEC требовать периодического представления информации компаниями с публично торгуемыми ценными бумагами. Так, компании с активами стоимостью более \$10 млн, ценными бумагами которых

⁶ Securities Act of 1933. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1884/pdf/COMPS-1884.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).

⁷ Securities Exchange Act of 1934. URL: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).

владеют более 500 владельцев, должны подавать годовые и квартальные отчеты. Эти отчеты доступны для общественности через базу данных SEC.

Securities Exchange Act of 1934 запрещает мошеннические действия, связанные с инсайдерской торговлей. Инсайдерская торговля является незаконной, когда лицо торгует ценной бумагой, обладая существенной непубличной информацией, в нарушение обязанности скрывать информацию или воздерживаться от торговли. Кроме того, любое лицо, желающее приобрести более 5 % ценных бумаг компании, должно раскрыть информацию о себе. Это требование введено, чтобы исключить возможность получения скрытого контроля над компанией. Следует также отметить, что Правила работы Нью-Йоркской биржи и все поправки к ним должны предварительно получить одобрение SEC в соответствии с разделом 19 (B) Securities Exchange Act of 1934.

Trust Indenture Act of 1939 – Закон о доверительных договорах 1939 г.⁸ применяется к долговым ценным бумагам, таким, как облигации, долговые обязательства и векселя, которые предлагаются для публичной продажи. Несмотря на то, что такие ценные бумаги могут быть зарегистрированы в соответствии с Законом о ценных бумагах, их нельзя предлагать для публичной продажи, если это противоречит соглашению между эмитентом и держателем долговых бумаг.

Investment Company Act of 1940 – Закон об инвестиционных компаниях 1940 г.⁹ регулирует организационную деятельность компаний, которые занимаются инвестированием, чьи ценные бумаги также торгуются на бирже. Закон требует, чтобы эти компании при первоначальном размещении своих ценных бумаг, а затем на регулярной основе раскрывали инвесторам свое финансовое состояние и инвестиционную политику: информацию об управлении фондом, его инвестиционных целях и т. д.

Investment Advisers Act of 1940 – Закон об инвестиционных консультантах 1940 г.¹⁰ регулирует деятельность инвестиционных консультантов. В соответствии с этим законом организации или физические лица, которые получают вознаграждение за оказание консультационных услуг в сфере инвестирования, должны пройти регистрацию в SEC и соответствовать правилам, разработанным для защиты инвесторов. Требование о регистрации распространяется на консультантов, которые управляют активами на сумму не менее \$100 млн или консультируют зарегистрированную инвестиционную компанию.

Цель любой фондовой биржи заключается в том, чтобы максимально упростить обмен ценными бумагами между покупателями и продавцами. Биржи предоставляют информацию о котируемых ценных бумагах в режиме реального времени, облегчая определение цен для всех участников рынка.

Существует несколько разновидностей бирж. Некоторые биржи все еще представляют собой помещения, где транзакции на торговой площадке осуществляются физическими методами: трейдеры выкрикивают цены и предложения либо сообщают свою позицию иным способом. Как правило, это товарные биржи. Большинство же современных бирж проводят торги в электронном виде, с использованием компьютеров и другой техники. Примером полностью электронной биржи является NASDAQ – основной конкурент NYSE на американском рынке.

Нью-Йоркская фондовая биржа относится к смешанному, гибричному типу. Продавцы и покупатели могут разместить заявки на продажу и покупку ценных бумаг в электронном виде из любой точки мира, но в то же время сохраняется возможность вести торги в помеще-

⁸ Trust Indenture Act of 1939. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1888/pdf/COMPS-1888.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).

⁹ Investment Company Act of 1940. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1879/pdf/COMPS-1879.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).

¹⁰ Investment Advisers Act of 1940. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1878/pdf/COMPS-1878.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).

нии биржи, по старинке. Заказы, сделанные в торговом зале, поступают к брокеру, который отправляет их в электронном виде маркет-мейкеру. Задача маркет-мейкера состоит в том, чтобы поддерживать спрос и предложение, делая заявки на покупку и продажу ценных бумаг даже в том случае, когда нет других покупателей или продавцов. Как только сделка завершена, ее детали направляются обратно брокеру, который затем уведомляет инвестора о результате.

Если продолжить сравнение двух крупнейших американских фондовых бирж, NYSE и NASDAQ, то следует отметить, что NYSE представляет собой аукционный рынок, в то время как NASDAQ – дилерский рынок. Речь идет о способах, с помощью которых участники торгов взаимодействуют друг с другом. При аукционном методе участники Нью-Йоркской биржи напрямую покупают и продают друг у друга. Покупатели и продавцы одновременно подают конкурентные заявки, а при исполнении сделки самая высокая цена предложения сравнивается с самой низкой ценой спроса. На бирже NASDAQ участники рынка покупают и продают не напрямую друг у друга, а через дилера. Обычно дилером выступает брокерская компания или банк, его функция – максимально быстро подобрать покупателей и продавцов по заявкам в электронном виде. Существует разница и в типах акций, которые котируются на биржах. NYSE известна тем, что размещает акции традиционных «голубых фишек» (самые крупные и стабильные корпорации) и промышленных компаний. NASDAQ специализируется на интернет-, биотехнологических и других компаниях в секторах, ориентированных на быстрый рост.

В современной монографической и периодической цивилистической литературе практически не исследуется проблематика потенциально возможных конфликтов между субъектами, участвующими в инвестиционных сделках в интернет-пространстве с использованием информационных технологий [2]. Если детализировать указанный вопрос в части, касающейся частных инвесторов (физических лиц), на настоящий момент мы не имеем возможности провести какой-либо анализ положений российского законодательства, поскольку разрешение таких конфликтов законодателем урегулировано лишь на уровне общих положений гражданского процессуального права (в случае нарушений субъектам предоставлена возможность защищать свои права и законные интересы в суде). Вопросам превенции конфликтов между участниками дистанционных инвестиционных сделок в юридической доктрине и законодателем внимание пока не уделялось.

Вместе с тем такие конфликты полностью исключить невозможно, полагаем, что необходимо предпринимать превентивно-профилактические меры для их нейтрализации, в идеале – для их исключения [7]. По нашему мнению, главное в связи с этим – открыто-партнерское взаимодействие в виде систематических контактов самих участников, обеспечиваемое различными правовыми средствами. При этом следует иметь в виду, что эффективность превенции прямо зависит от точности воздействия на «болевы́е точки», являющиеся источниками конфликтов между участниками дистанционных инвестиционных сделок [3]. Для эффективного разрешения потенциально возможного конфликта представляется важным исследовать развитие дистанционной инвестиционной сделки на различных этапах осуществления (заключение, исполнение, изменение, прекращение и т. д.), что позволит предотвратить или урегулировать конфликт с меньшими затратами ресурсов и времени.

Конструкция дистанционной инвестиционной сделки предусматривает поэтапное взаимодействие нескольких участников, в нашей работе указанные этапы представлены развернуто [3]. Считаем необходимым выделить соответствующие этапы, двигаясь последовательно по алгоритму заключения инвестиционной сделки, совершаемой в Интернете.

1. Поиск и выбор инвестором инвестиционного предложения [8].

2. Установление инвестором контакта с инвестиционным посредником (с получателем инвестиций) через его веб-сайт и предварительные переговоры с представителем данной организации.

3. Переговоры инвестора с ответственным работником-представителем инвестиционного посредника (получателя инвестиций) [10] по выбранному инвестиционному предложению.

4. Присоединение инвестора к тексту договора, представленному на веб-сайте инвестиционного посредника (получателя инвестиций) либо заключение договора в индивидуальном порядке [1].

5. Перевод и зачисление денежных средств инвестора на банковский счет инвестиционного посредника (получателя инвестиций).

6. Регистрация договора, оформляющего инвестиционную сделку, регистрация прав инвестора на объект инвестирования (когда это предусмотрено законодательством).

7. Регистрация в случае необходимости особенностей владения инвестором объектом инвестирования.

8. Прекращение прав инвестора на объект инвестирования.

9. Перевод и зачисление денежных средств от инвестиционного посредника (получателя инвестиций) инвестору на его банковский счет.

10. Исполнение участниками публичных (налоговых и иных) обязанностей¹¹.

Уточним, что на седьмом этапе может осуществляться регистрация особенностей владения инвестором объектом инвестирования. Несомненно, некоторые ученые сочтут в этом контексте термин «владение» спорным, указав на то, что данный термин – традиционная категория вещного права. Опираясь на теорию юридической фикции, полагаем, что для практики оборота объектов инвестирования в интернет-пространстве принадлежность лицу цифрового объекта инвестирования (цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта) ничем не отличается от владения вещным объектом гражданских прав. Законодатель применяет к указанным объектам инвестирования термины «обладатель», «обладание», но мы, в свою очередь, можем уточнить, что данный термин – традиционная категория права интеллектуальной собственности.

Поиск релевантного термина для обозначения правомочия принадлежности конкретному лицу цифрового объекта инвестирования – тема отдельного и масштабного научного исследования. Практика оборота указанных объектов подтверждает, что такой объект может быть передан, например, в залог, в депозит нотариуса, в депозит суда, обременен иным образом [5]. Здесь может скрываться потенциальный конфликт, если при отчуждении объекта инвестирования его новый владелец не будет уведомлен об особенностях правового режима данного объекта в текущий период времени.

Банк России в своем Информационном письме¹² раскрывает проблему, которую мы не затронули выше, рассматривая потенциальные конфликты по этапам дистанционной инвестиционной сделки. Имеется в виду активная роль инвестора в корпоративной жизни того хозяйственного общества, в которое инвестор поместил свои вложения. В таком положении неизбежен конфликт интересов получателя инвестиций и самого инвестора [4]. Банк России рекомендует инвестору выявлять и предотвращать конфликты интересов. Также Банк России рекомендует инвестору вести управление хозяйственным обществом в рамках, установленных законодательством.

На наш взгляд, представленные выше превентивно-профилактические условия и средства следует интегрировать в единый комплекс инструментов превенции конфликтов участников инвестиционных сделок. Также полагаем, что это должен быть смарт-комплекс, т. е. автоматически действующая, как специальная компьютерная программа, система профилактических методов недопущения конфликтов [3]. Данный подход может быть реализован на основе развития предложенной в литературе технологии полисубъектного юрисдикционного блокчейна [9].

¹¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть вторая) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹² Информационное письмо Банка России от 15 июля 2020 г. № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования» // Вестник Банка России. 2020. № 54.

Развивая подобный авторский подход, предлагается объединить в полисубъектный блокчейн 6 субъектов, действующих на территории Российской Федерации, а именно: частный инвестор; контрагент частного инвестора; Минцифры России (веб-сайт «ГОСУСЛУГИ» с личным кабинетом инвестора); Федеральная налоговая служба (веб-сайт ФНС с личным кабинетом юридического лица – инвестиционного посредника, получателя инвестиций); Банк России (веб-сайт Банка России с депозитарно-регистрационной платформой для учета объектов инвестирования и прав на них); Верховный Суд Российской Федерации (сервер Суда со специальным функционалом хранения доказательств в электронной форме) [3].

Таким образом, предложен обеспечивающий превенцию потенциальных конфликтов между участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок комплекс специальных условий и средств для осуществления сделок: 1) профильная образовательная подготовка частного инвестора к совершению дистанционных инвестиционных сделок, включая навыки использования соответствующих программно-аппаратных имущественных комплексов; 2) надлежащие интеллектуальные и физические способности частного инвестора принимать связанные с риском инвестиционные решения; 3) высокие компетенции частного инвестора по ведению переговоров и оценке юридических последствий совершения сделок в инвестиционном сегменте Интернета; 4) наличие у частного инвестора достаточного для сделки капитала, специального имущества (оборудования), умение пользоваться дистанционным банковским обслуживанием; 5) наличие у частного инвестора личного кабинета и Единой личной электронной подписи на портале «ГОСУСЛУГИ», наличие у его контрагента электронной подписи и личного кабинета на веб-сайте ФНС; 6) наличие предоставляющей специальные услуги депозитарно-регистрационной платформы на интернет-сайте Банка России; 7) своевременное и полное исполнение участниками сделок, установленных законом публичных обязанностей; 8) совершение дистанционно-цифровых инвестиционных сделок при взаимодействии шести (двух частных и четырех публичных) субъектов в системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна [3].

Данные условия могут быть достигнуты при их закреплении в законодательстве. Необходимо переосмыслить имеющееся нормативное регулирование инвестирования посредством интернет-платформ, разработать и принять единый федеральный закон «О совершении физическими лицами инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“». В этом федеральном законе следует закрепить комплекс правил регулирования дистанционно-цифровых сделок инвестирования в традиционные финансовые активы, в ценные бумаги, в цифровые финансовые активы, в производные финансовые активы, совершаемых российскими гражданами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в контексте Индустрии 4.0: юридическая превенция»).

Acknowledgment

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: legal prevention”).

Список литературы

1. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной

- биометрической идентификации личности // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75, № 2. С. 121–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.
2. **Майфат А. В.** Инвестирование: способы, риски, субъекты: Монография. М.: Статут, 2020. 176 с.
 3. **Матыцин Д. Е.** Превенция конфликтов участников инвестиционных отношений в информационном пространстве: методологический инструментарий // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 2 (165). С. 166–169.
 4. **Осипенко А. О.** Правовая природа конфликта интересов // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17, № 3. С. 84–92. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.084-092.
 5. **Степин М. Г.** Особенность договора страхования в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств по российскому праву // *Право. Журнал высшей школы экономики*. 2022. № 1. С. 96–114.
 6. **Чиклаев Р. В.** Корпорации и корпоративные финансовые инструменты в российском и зарубежном праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. Вып. 52. С. 285–320. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-285-320.
 7. **Inshakova A. O., Goncharov A. I., Inshakova E. I., Stepanova I. A.** Prerequisites for the Development and Popularization of Alternative Methods of Resolving Economic Conflicts. In: Inshakova A. O., Bogoviz A. V. (Ed.) *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law. A volume in the series: Popkova E. G. (Ed.) Advances in Research on Russian Business and Management*. Charlotte, NC, USA: Information Age Publishing, 2020. P. 99–116.
 8. **Inshakova A. O., Goncharov A. I., Inshakova E. I., Tumchuk Yu. A.** Digital Technologies for Alternative Methods of Resolving Conflicts: The Prospects of Application in Russia and Other BRICS Countries. In: Inshakova A. O., Bogoviz A. V. (Ed.) *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law. A volume in the series: Popkova E. G. (Ed.) Advances in Research on Russian Business and Management*. Charlotte, NC, USA: Information Age Publishing, 2020. P. 129–142.
 9. **Kalinina A. E., Inshakova A. O., Goncharov A. I.** Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / Ed. Elena G. Popkova. Cham: Springer Science + Business Media, 2019. Vol. 826. P. 205–213. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_24.
 10. **Oluyeju M., Oluyeju O.** Legal Protection of Investors from the Corporate Malfeasance of Insider Dealings: A South African-Canadian Comparative Review. *BRICS Law Journal*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 136–167. DOI: 10.21684/2412-2343-2022-9-1-136-167.

References

1. **Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Lebedev V. A., Zenin S. S.** Privacy in the realm of Artificial Intelligence Systems Application for Remote Biometric Identification. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 2, pp. 121–131. (in Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.
2. **Mayfat A. V.** Investment: methods, risks, subjects: Monograph. Moscow, Statute, 2020, 176 p. (in Russ.)
3. **Matytsin D. E.** Conflict prevention of participants in investment relations in the information space: methodological tools. *Eurasian legal journal*, 2022, no. 2 (165), pp. 166–169. (in Russ.)
4. **Osipenko A. O.** Legal nature of the conflict of interest. *Actual problems of Russian law*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 84–92. (in Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.084-092.
5. **Stepin M. G.** The peculiarity of the insurance contract as an unnamed method of ensuring the fulfillment of obligations under Russian law. *Law. Journal of Higher School of Economics*, 2022, no. 1, pp. 96–114. (in Russ.)

6. **Chikulaev R. V.** Corporations and Corporate Financial Instruments in Russian and Foreign Law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, issue 52, pp. 285–320. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-285-320.
7. **Inshakova A. O., Goncharov A. I., Inshakova E. I., Stepanova I. A.** Prerequisites for the Development and Popularization of Alternative Methods of Resolving Economic Conflicts. In: *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. A volume in the series Popkova E. G. (Ed.) *Advances in Research on Russian Business and Management*. Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing, 2020, pp. 99–116.
8. **Inshakova A. O., Goncharov A. I., Inshakova E. I., Tumchuk Yu. A.** Digital Technologies for Alternative Methods of Resolving Conflicts: The Prospects of Application in Russia and Other BRICS Countries. In: *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. A volume in the series Popkova E. G. (Ed.) *Advances in Research on Russian Business and Management*. Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing, 2020, pp. 129–142.
9. **Kalinina A. E., Inshakova A. O., Goncharov A. I.** Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. In: *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Ed. Elena G. Popkova. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol. 826, pp. 205–213. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_24
10. **Oluyeju M., Oluyeju O.** Legal Protection of Investors from the Corporate Malfeasance of Insider Dealings: A South African-Canadian Comparative Review. *BRICS Law Journal*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 136–167. DOI: 10.21684/2412-2343-2022-9-1-136-167.

Информация об авторе

Матыцин Денис Евгеньевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
доцент
SPIN 2677-9447

Information about the Author

Denis E. Matytsin, PhD in Economics, Senior Researcher, Associate Professor
SPIN 2677-9447

*Статья поступила в редакцию 26.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 26.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 30.09.2022*

Научная статья

УДК 347.235

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-33-42

К вопросу о предоставлении гражданину земельного участка, находящегося в публичной собственности, без торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных

Виталий Алексеевич Сукало

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Абакан, Россия

rc-21@yandex.ru

Аннотация

На основе анализа подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ и правоприменительной практики делается вывод, что действующая редакция не предоставляет гражданам реальной возможности получить в аренду без торгов земельные участки, находящиеся в публичной собственности, для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд в связи с неоправданно ограничительным толкованием возможного размера площади таких участков и отсутствия единообразного понимания целей их предоставления, связанных с определением личных или предпринимательских нужд, что несет значительный риск для уже заключенных договоров аренды быть признанными недействительными. Обосновывается важность выделения отдельного основания в ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ – предоставления земельного участка гражданину для сенокошения, выпаса сельскохозяйственных животных, а также установления в законодательстве субъектов РФ предельных размеров площади земельных участков, предоставляемых гражданам именно для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных; делается вывод о необходимости внесения изменений в Перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов, в части обязательности запроса сведений о наличии либо отсутствии у гражданина предпринимательского статуса.

Ключевые слова

аренда, недействительность договора, сенокошение, выпас сельскохозяйственных животных, площадь, личные нужды

Для цитирования

Сукало В. А. К вопросу о предоставлении гражданину земельного участка, находящегося в публичной собственности, без торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 33–42. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-33-42

On the Issue of Providing a Citizen a Land Plot in Public Property without Bidding for Haymaking or Grazing of Farm Animals

Vitalii A. Sukalo

Katanov Khakass State University

Abakan, Russian Federation

rc-21@yandex.ru

Abstract

Based on the analysis of paragraphs 19 of part 2 of art. 39.6 of the Land Code of the Russian Federation and law enforcement practice, it is concluded that the current version of this rule of law does not provide citizens with a real opportunity to lease publicly owned land plots without bidding for the purposes of haymaking or grazing farm animals for personal needs due to an unjustifiably restrictive interpretation in law enforcement practice of the possible size of the area such sites and the lack of a uniform understanding of the purposes of providing these sites, related to the definition

© Сукало В. А., 2022

of personal or business needs, which carries a significant risk for already concluded lease agreements to be invalidated. The importance of the allocation of a separate basis in Part 2 of Article 39.6 of the Land Code of the Russian Federation – the provision of a land plot to a citizen for haymaking, grazing of farm animals, as well as the establishment in the legislation of the subjects of the Russian Federation of the maximum size of the area of land plots provided to citizens specifically for haymaking or grazing of farm animals is substantiated; it is concluded that it is necessary to amend the List of documents confirming the applicant's right to purchase a land plot without bidding, in terms of the obligation to request information about the presence or absence of a citizen of entrepreneurial status.

Keywords

lease, invalidity of the contract, haymaking, grazing of farm animals, area, personal needs

For citation

Sukalo V. A. On the Issue of Providing a Citizen a Land Plot in Public Property without Bidding for Haymaking or Grazing of Farm Animals. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 33–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-33-42

Аренда – наиболее распространенный вид сделок с земельными участками, находящимися в публичной собственности [4, с. 155]. Наиболее выгодным с финансовой точки зрения для муниципальных образований является предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на праве аренды, а не на праве собственности, так как средства от использования таких земельных участков поступают в местный бюджет в виде регулярных арендных платежей [3, с. 26].

В отечественной науке гражданского и земельного права почти отсутствуют фундаментальные исследования, направленные на анализ кардинально изменившегося с 1 марта 2015 г. правового регулирования института сделок аренды с земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, выявление пробелов и коллизий, предложение путей их устранения¹. В связи с этим анализ отдельных вопросов, которые приводят к недействительности сделок аренды земельных участков из публичной собственности, выявление правовых проблем и внесение предложений по их устранению актуальны и для научного сообщества, и для реальной правоприменительной практики.

Частью 1 ст. 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации² (далее – ЗК РФ) установлено, что, по общему правилу, договоры аренды земельных участков из государственной или муниципальной собственности заключаются по результатам торгов, проводимых только в форме аукционов. Частью 2 ст. 39.6 ЗК РФ предусмотрен перечень оснований, причем исчерпывающий, при наличии которых договор аренды земельного участка из публичной собственности заключается без проведения торгов. Одним из них, закрепленным в подп. 19 данного законодательного положения, является предоставление земельного участка гражданину для сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных, ведения огородничества или земельного участка, расположенного за границами населенного пункта, гражданину для ведения личного подсобного хозяйства. Законом предоставление земельного участка в аренду без торгов по вышеуказанным основаниям допускается только гражданину на срок не более 3 лет, без права автоматической пролонгации срока действия договора, без права выкупа и без права возведения на арендованном земельном участке строений и сооружений.

Как известно, согласно п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установ-

¹ Изменения в Земельный кодекс и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2014. 27 июня.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2020 г.) // Рос. газета. 2001. 30 окт.; 2020. 31 дек.

³ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 8 декабря 2020 г.) // Рос. газета. 1994. 8 дек.; 2020. 14 дек.

ленным законом и иными правовыми актами, действующим в момент его заключения. В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. В том случае, когда совершение незаконной сделки не сопровождается нарушением указанных интересов, она, по смыслу закона, должна признаваться оспоримой (п. 1 ст. 168 ГК РФ).

Общее правило об оспоримости незаконных сделок стало одним из итогов крупномасштабной реформы гражданского законодательства 2013 г. [1, с. 51]. По мнению Д. О. Тузова и А. Г. Карапетова, «странным выглядит ведение «борьбы с ничтожными сделками» во имя стабильности гражданского оборота не через устранение причин этой ничтожности, т. е. не путем совершенствования законодательства, вследствие нарушения которого сделки оказываются ничтожными, и практики его применения, а посредством замены правила о ничтожности на правило об оспоримости и оправдания тем самым наступления тех или иных желаемых сторонами правовых последствий вопреки императивным предписаниям закона» [2, с. 44].

Верховный Суд Российской Федерации «подкорректировал» итоги реформирования ст. 168 ГК РФ за счет введения нового основания ничтожности противозаконной сделки в виде ее противоречия существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств. В п. 74, 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. даны разъяснения о том, что ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц⁴. Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность. Применительно к ст. 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы.

Названные разъяснения высшей судебной инстанции страны означали возврат к пониманию ничтожности, традиционному для отечественного правоприменения. Толкование Верховного Суда Российской Федерации в этой части сгладило «жесткие углы» общего правила об оспоримости, ввело «возможность проверки совершенных такими участниками сделок на предмет их общего соответствия вектору отечественного правового регулирования» [5, с. 28].

Из сказанного выше следует, что установленный законом порядок заключения без проведения торгов договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, направлен на обеспечение публичных интересов, заключенная с его нарушением сделка является ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ. С передачей в аренду без торгов земельного участка гражданину для ведения личного подсобного хозяйства за границами населенного пункта никаких проблем в правоприменении не возникает. Закон не допускает в данной части двойного толкования, в связи с чем договоры аренды публичных земельных участков, заключенные без торгов для указанной цели, практически не признаются недействительными.

Статья 2 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» прямо устанавливает, что такая форма хозяйства как личное подсобное хозяйство не является предпринимательской

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2015. 30 июня.

деятельностью и имеет целью удовлетворение личных потребностей гражданина и его семьи⁵. Согласно ч. 1 ст. 4 названного федерального закона для ведения личного подсобного хозяйства могут использоваться земельный участок в границах населенного пункта (приусадебный земельный участок) и земельный участок за пределами границ населенного пункта (полевой земельный участок). Приусадебные земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются без торгов в конкурентном порядке, установленном ст. 39.18 ЗК РФ. Полевые же земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются без торгов в заявительном порядке, никаких особых процедур для выявления иных заинтересованных в аренде лиц не требуется.

Максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на любом праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, законом установлен в размере 0,5 га. Данный размер земельных участков может быть увеличен законом субъекта Российской Федерации, но не более чем в пять раз (ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве»). В целях привлечения в отдельные отдаленные районы Севера, Сибири и Дальнего Востока граждан на постоянное место жительства, был принят специальный закон, увеличивающий, в том числе, максимальные размеры земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства в таких местностях⁶.

Максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на любом праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, устанавливается, например, в Республике Хакасия в максимально возможном размере 2,5 га⁷.

С предоставлением участка в аренду без торгов для ведения огородничества спорных вопросов в правоприменении особо не наблюдается, потому что само понятие «огородничество» подразумевает выращивание гражданами для собственных нужд сельскохозяйственных культур без права возведения объектов недвижимости⁸. Возможность предоставления в аренду без торгов земельных участков для огородничества не зависит от того, входят ли данные участки в черту населенного пункта либо нет. Минимальные и предельные размеры таких земельных участков устанавливаются правилами землепользования и застройки поселений. Законодатель для исключения злоупотреблений выделил особо, что садовые участки, на которых можно строить капитальные сооружения, предоставляются в конкурентном порядке по ст. 39.18 ЗК РФ.

Кроме названных случаев в подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ содержится основание предоставления гражданам земельных участков в аренду без торгов «для сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных». Представляется, что объединение в подп. 19 ч. 2 ст. 39.16 ЗК РФ таких оснований для предоставления земельных участков в аренду без торгов, как «для огородничества», «ведения личного подсобного хозяйства» и «для сенокошения», «для выпаса сельскохозяйственных животных» является ошибочным, приводит к проблемам в правоприменительной практике, недействительности заключенных без торгов договоров аренды земель-

⁵ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» (с изм. от 28 июня 2021 г.) // Рос. газета. 2003. 10 июля; 2021. 2 июля.

⁶ Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 2021 г.) // Рос. газета. 2016. 6 мая; 2022. 10 янв.

⁷ Часть 4 ст. 4 Закона Республики Хакасия от 11 мая 2010 г. № 32-ЗРХ «О личном подсобном хозяйстве» (с изм. от 8 ноября 2016 г.) // Вестник Хакасии. 2010. 18 мая; 2016. 11 нояб.

⁸ Ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. от 22 декабря 2020 г.) // Рос. газета. 2017. 2 авг.; 2020. 28 дек.

ных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных.

Дело в том, что, в отличие от ведения личного подсобного хозяйства и огородничества, в отношении предельных размеров земельных участков для сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных закон каких-либо ограничений не устанавливает. Также в законе не содержится указаний на то, что сенокошение и выпас сельскохозяйственных животных направлены только для обеспечения личных нужд гражданина и членов его семьи; напротив, эти виды сельскохозяйственной деятельности, в основном, характеризуют предпринимательскую деятельность сельхозпроизводителей, но могут осуществляться и для достижения не связанных с экономической деятельностью целей. В подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ также нет указания на то, что возможно предоставление земельных участков, находящихся в публичной собственности, в аренду без торгов гражданину для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных только для личных нужд. Гражданин может свободно осуществлять предпринимательскую деятельность, связанную с заготовкой и продажей сена, разведением скота, для чего необходим его выпас.

Полагаем, что целью законодателя является предоставление в аренду без торгов гражданам для сенокошения и выпаса сельскохозяйственных животных земельных участков из государственной или муниципальной собственности, расположенных в отдаленных районах, с неразвитой транспортной и иной инфраструктурой, не пользующихся спросом, для того чтобы земельные участки сельскохозяйственного назначения использовались по назначению, не зарастали сорной растительностью, не выбывали из оборота, при этом уполномоченные органы за их использование получают арендную плату. Думается, другими мотивами введения в закон возможности для граждан получать в аренду без торгов земельные участки для указанных целей являются поддержка граждан Российской Федерации, проживающих в сельской местности, и стимулирование к переезду в отдаленные регионы. То, что в законе прямо указано, что такие земельные участки предоставляются в аренду без торгов гражданам, свидетельствует, что по данному основанию в бесконкурентном порядке должны предоставляться участки именно для личных нужд, а не в целях ведения предпринимательской или иной экономической деятельности.

С 2019 г. повсеместно складывается судебная практика, когда публичные земельные участки могут быть предоставлены в аренду без проведения торгов по подп. 19 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ для сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных гражданам только для личных нужд и только в пределах максимальных размеров земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства. Договоры аренды земельных участков для сенокошения и выпаса сельскохозяйственных животных, противоречащие этим выводам, признаются недействительными в силу ничтожности по искам прокуроров.

Так, в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа по делу № А74-7282/2019 от 20 февраля 2020 г. был сделан вывод, что если площадь предоставленного в аренду без торгов гражданину земельного участка для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных превышает максимальный размер земельного участка для ведения личного подсобного хозяйства, установленного законом субъекта Российской Федерации, то договор аренды такого участка является заключенным с нарушением порядка предоставления, в связи с чем недействительным в силу ничтожности⁹. Земельные участки с превышающей максимальный размер, установленный для ведения личного подсобного хозяйства, площадью, по мнению судов, могут предоставляться только для ведения крестьянского (фермерского) хо-

⁹ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f3386418-5c57-47ec-8480-881e545c6744/dba2a512-bcbf-4360-8532-2e44f3025a4f/A74-7282-2019_20200220_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.06.2022).

зяйства по правилам, установленным ст. 39.18 ЗК РФ, т. е. с предварительными извещениями, проведением конкурентных процедур.

Суды, в отсутствие прямого указания об этом в законе, считают необходимым в обязательном порядке применять предельные размеры, установленные для земельных участков с назначением «для ведения личного подсобного хозяйства», а также в случае предоставления гражданину участка в аренду без торгов для сенокосения или выпаса сельскохозяйственных животных в связи с объединением данных целей использования участков в одной норме права.

На практике договоры аренды земельных участков для сенокосения и выпаса сельскохозяйственных животных в связи со спецификой такой деятельности заключаются в отношении участков namного больших площадей. Представляется, что в настоящее время все заключенные для целей сенокосения либо выпаса сельскохозяйственных животных без проведения торгов договоры аренды земельных участков из государственной или муниципальной собственности с площадью, превышающей максимум в 2,5 га, а в каких-то регионах и того меньше, находятся под угрозой признания их недействительными в силу ничтожности, что не позволяет говорить об устойчивости гражданского оборота.

Учитывая указанную судебную практику, многие органы местного самоуправления в настоящее время стали отказывать гражданам в предоставлении в аренду без торгов земельных участков, находящихся в публичной собственности, для целей сенокосения или выпаса скота, если площадь испрашиваемых участков превышает предельный размер, применяемый для участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства. Уполномоченные органы вынуждают граждан регистрироваться у глав крестьянских (фермерских) хозяйств и обращаться за предоставлением необходимых для сенокосения либо выпаса сельскохозяйственных животных земельных участков в конкурентном порядке, предусмотренном ст. 39.18 ЗК РФ.

Полагаем, такая судебная и правоприменительная практика является ошибочной и противоречит букве и духу закона, целям законодателя, которые преследовались при принятии рассматриваемой нормы права. Для сенокосения либо выпаса сельскохозяйственных животных даже для личных нужд гражданина и членов его семьи необходимы участки namного большей площади, чем 2,5 га. Так, необходимая площадь пастбища из расчета на одну корову должна составлять от 0,5 до 1,0 га в зависимости от произрастающей растительности¹⁰. Законом или иными нормативными правовыми актами не установлено ограничений по количеству голов скота в личном подсобном хозяйстве за границами населенных пунктов. Например, если у гражданина в личном подсобном хозяйстве содержится 10 коров, что не является редкостью, то для их выпаса необходим участок не меньше 5–10 гектаров, что в 2–4 раза больше предельного размера участка, предназначенного для ведения личного подсобного хозяйства.

Таким образом, применение предельных размеров земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства, в отношении площади участков, необходимых для сенокосения либо выпаса сельскохозяйственных животных, неправильно. Цели, которые преследует законодатель при предоставлении гражданам возможности получать в аренду без торгов земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, для сенокосения или выпаса сельскохозяйственных животных, в настоящее время практически не могут быть достигнуты, что делает соответствующую норму праву «мертвой».

Кроме того, распространены ситуации, когда гражданин, будучи одновременно главой крестьянского (фермерского) хозяйства, обращается за приобретением в аренду без торгов участка для сенокосения или выпаса сельскохозяйственных животных именно как гражданин, не наделенный специальным статусом. Законом или иным нормативным правовым актом в настоящее время не установлена обязанность указывать в заявлении о предоставлении участка

¹⁰ URL: <https://agrovesti.net/lib/tech/cattle-tech/osnovnye-pravila-organizatsii-i-provedeniya-pastbishchnogo-perioda-soderzhaniya-krupnogo-rogatogo-skota.html> (дата обращения: 11.06.2022).

для названных нужд, что у заявителя имеется статус главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

Большинство уполномоченных органов публичной власти справедливо полагают, что при поступлении от гражданина заявления о предоставлении земельного участка в аренду без торгов для сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных необходимо проверить наличие безусловных оснований для отказа в предоставлении участка без торгов, установленных ст. 39.16 ЗК РФ, при отсутствии которых заключается договор аренды для указанных целей без проведения конкурентных процедур.

Так, при рассмотрении в Арбитражном суде Республики Хакасия дела по иску прокурора о признании заключенного без проведения торгов на 3 года договора аренды публичного земельного участка для выпаса сельскохозяйственных животных было установлено, что данный договор был заключен с гражданином, который одновременно являлся главой крестьянского (фермерского) хозяйства, но не указал об этом в заявлении о предоставлении участка¹¹. Гражданин ссылался на то, что участок был ему необходим для личных, а не предпринимательских нужд. Уполномоченный орган, являясь ответчиком по этому делу, в своих возражениях ссылался на отсутствие законных оснований для отказа такому гражданину в предоставлении участка для выпаса сельскохозяйственных животных без торгов на основании подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ. Суд, учитывая площадь арендуемого земельного участка, которая в разы превышала предельный размер участка для ведения личного подсобного хозяйства и наличие у гражданина статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства, признал договор аренды недействительным в силу ничтожности как заключенный в обход предусмотренных законом конкурентных процедур предоставления участка для предпринимательской деятельности.

Законодательством Российской Федерации установлен исчерпывающий перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без торгов. Пунктом 45 Перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов установлено, что в случае предоставления земельного участка по основаниям, предусмотренным подп. 19 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ, органом, уполномоченным на распоряжение земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, посредством межведомственного информационного взаимодействия запрашивается только выписка из Единого государственного реестра недвижимости об объекте недвижимости (об испрашиваемом земельном участке)¹². Необходимость отсутствия у гражданина статуса предпринимателя либо главы крестьянского (фермерского) хозяйства, предоставления каких-либо иных документов, кроме паспорта, нормативными правовыми актами не предусмотрена. Исчерпывающий перечень оснований для отказа в предоставлении земельного участка для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных гражданину без проведения торгов, содержится в ст. 39.16 ЗК РФ.

Таким образом, при обращении гражданина, который обладает статусом главы крестьянского (фермерского) хозяйства, но не указал это в заявлении о предоставлении ему земельного участка в аренду без проведения торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных, уполномоченный публичный орган, по нашему мнению, в настоящее время не вправе

¹¹ Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 28 октября 2020 г. по делу № А74-6630/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d9dad298-df08-4e79-ae5e-73c39b45f467/6ef6da5d-7384-414f-a757-c216cbecf956/A74-6630-2020_20201028_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.06.2022).

¹² Перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов, утв. Приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 2 сентября 2020 г. № П/0321 (с изм. от 27 октября 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 2 окт.; 2021. 24 нояб. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.06.2022).

ве ему отказать в заключении без торгов договора аренды такого участка, что в дальнейшем может привести к признанию в судебном порядке такого договора недействительным в силу ничтожности.

Предоставление главам крестьянских (фермерских) хозяйств земельных участков без торгов фактически для осуществления предпринимательской деятельности под видом заключения договора аренды с гражданином для сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных в настоящее время часто позволяет игнорировать требования подп. 15 п. 2 ст. 39.6, ст. 39.18 ЗК РФ, обеспечивающих справедливость, публичность, открытость и прозрачность процедуры предоставления земельных участков. Для соблюдения принципов предоставления земельных участков из публичной собственности, сохранения реальной возможности получения земельных участков гражданами в аренду без проведения торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд, а не в целях осуществления предпринимательской деятельности, достижения целей законодателя при принятии соответствующей нормы права, необходимо изменить законодательные положения, что, по нашему мнению, устранил указанные правовые проблемы.

Полагаем, в закон необходимо внести изменения, исключив из подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ случаи предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности, в аренду без торгов гражданам для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных. При этом, мы считаем, важно отдельно указать данное основание предоставления участков в аренду в новый подпункт 19.1 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ, который следует изложить как «земельного участка гражданину для сенокошения, выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд». Представляется, что такое изменение закона позволит в дальнейшем исключить сложившуюся в правоприменении практику использования предельного размера площади земельного участка, предназначенного для ведения личного подсобного хозяйства, для определения предельного размера площади земельных участков, испрашиваемых для целей сенокошения либо выпаса скота, что сделает получение участков с реально необходимой площадью для такого применения возможным, позволит устранить злоупотребления недобросовестных лиц, которые под видом личных нужд имеют возможность получить в неконкурентном порядке в аренду земельные участки из публичной собственности, которые им необходимы в действительности для использования в предпринимательской деятельности, фактически «оживит» анализируемую норму права, приведет к достижению целей законодателя, которые ставились при предоставлении возможности гражданам получать в аренду без торгов земельные участки из государственной или муниципальной собственности для сенокошения либо выпаса скота именно для личных нужд,

В соответствии с подп. «в» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ земельное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов¹³. По аналогии с установленным в регионах России предельным размером площади участков для ведения личного подсобного хозяйства, в субъектах РФ с учетом природных и иных особенностей в региональных законах об особенностях оборота земель сельскохозяйственного назначения целесообразно определить максимальный размер участка, необходимого гражданину для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд.

Полагаем, что также целесообразно изменить Перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов, утвержденных Приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии № П/0321 от 2 сентября 2020 г., изложив графу «Документы, подтверждающие право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов и прилагаемые к заявлению о приобретении прав на земельный участок (документы представляются (направляются) в подлиннике

¹³ Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Рос. газета. 2020. 4 июля.

(в копии, если документы являются общедоступными) либо в копиях, заверяемых должностным лицом органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, принимающим заявление о приобретении прав на земельный участок)» в п. 45 в следующей редакции (при введении в ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ, как мы указали выше, подп. 19.1): «Выписка из Единого государственного реестра недвижимости об объекте недвижимости (об испрашиваемом земельном участке); Сведения из налогового органа о наличии либо отсутствии у заявителя статуса индивидуального предпринимателя / главы крестьянского (фермерского) хозяйства».

Представляется, что такое изменение указанного подзаконного нормативного правового акта устранил неясности в работе уполномоченных органов и исключит злоупотребления со стороны недобросовестных лиц, которые под видом использования для личных нужд приобретают земельные участки из государственной или муниципальной собственности без торгов для целей сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных, а фактически для использования в предпринимательской деятельности. Если уполномоченному органу на основании соответствующих документов будет известно, что заявитель обладает статусом индивидуального предпринимателя / главы крестьянского (фермерского) хозяйства, то в предоставлении ему без торгов участка, находящегося в публичной собственности, для целей сенокошения либо выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд будет отказано на законном основании. Этому лицу испрашиваемый участок должен будет предоставляться только по конкурентной процедуре, предусмотренной ст. 39.18 ЗК РФ.

Таким образом, действующая в настоящее время редакция подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ не предоставляет гражданам реальной возможности получить в аренду без торгов земельные участки, находящиеся в публичной собственности, для целей сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд в связи с неоправданно ограничительным толкованием в правоприменительной практике возможного размера площади данных участков и отсутствием единообразного понимания целей их предоставления, связанных с определением личных или предпринимательских нужд, что несет значительный риск для уже заключенных договоров аренды быть признанными недействительными и в связи с этим не позволяет говорить о стабильности гражданского оборота и защите интересов участников гражданских правоотношений.

На основе анализа законодательства и правоприменительной практики делается вывод о том, что необходимо исключить из подп. 19 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ такое основание предоставления земельных участков без торгов, как «гражданину для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных», отдельно ввести его в ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ в подп. 19.1 в следующей редакции: «гражданину для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных для личных нужд». Кроме того, предлагается установить в законодательстве субъектов Российской Федерации предельные размеры площади земельных участков, предоставляемых гражданам в аренду без торгов для сенокошения или выпаса сельскохозяйственных животных, которые будут отвечать целям такой деятельности. К тому же требуется внести изменения в Перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов, утвержденных Приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии № П/0321 от 2 сентября 2020 г., в части необходимости запроса сведений о наличии либо отсутствии у гражданина предпринимательского статуса для исключения злоупотреблений со стороны субъектов экономической деятельности, а также стабильности гражданского оборота.

Список литературы

1. **Гончарова В. А.** Проблемы юридической квалификации сделки, противоречащей закону и посягающей на публичные интересы и интересы третьих лиц, и ее последствия // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 3. С. 50–56.

2. **Карпетов А. Г., Тузов Д. О.** Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14–67.
3. **Кияшко Г. А., Деревянкина А. П.** Предоставление в аренду земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории муниципального образования // Природообустройство и природопользование геоландшафтов. 2021. № 1. С. 26–31.
4. **Менис Е. В.** Правовые особенности договоров аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9. С. 153–155.
5. **Титов Н. Д.** Анализ судебной практики по делам, связанным с оспариванием сделок в связи с их противоречием существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств // Право и политика. 2019. № 9. С. 16–28.

References

1. **Goncharova V. A.** Problems of legal qualification of the bargains, contradicting to the law and combating the public interests and interests of third parties, and its consequences. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 50–56. (in Russ.)
2. **Karapetov A. G., Tuzov D. O.** Transactions concluded in contradiction with peremptory norms of the law, in the context of the new version of Art. 168 of the Civil Code. *Civil Law Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 14–67. (in Russ.)
3. **Kiyashko G. A., Derevyankina A. P.** The granting of land plots for which state ownership is not delimited in the territory of the municipality. *Environmental management and environmental management of geolandscapes*, 2021, no. 1, pp. 26–31. (in Russ.)
4. **Menis E. V.** Legal features of the contract of lease of land plots of agricultural destination. *Eurasian Law Journal*, 2017, no. 9, pp. 153–155. (in Russ.)
5. **Titov N. D.** Analysis of judicial practice in cases involving contesting transactions in connection with their contradiction to the essence of legislative regulation of the corresponding type of obligations. *Law and Politics*, 2019, no. 9, pp. 16–28. (in Russ.)

Информация об авторе

Сукало Виталий Алексеевич, аспирант

Information about the Author

Vitalii A. Sukalo, post-graduate student

Статья поступила в редакцию 04.07.2022;
одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 30.09.2022
The article was submitted 04.07.2022;
approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 30.09.2022

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-43-50

О понятии «раскрытие преступлений»

Александр Федорович Лубин

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Россия

ale-lubin@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «раскрытие преступлений». На основе совпадения цели криминалистической методики расследования преступлений и цели уголовного процесса предлагается новое толкование исследуемого понятия. Раскрытие преступления необходимо доказывать результатами деятельности органов дознания и предварительного расследования. Эти результаты должны быть представлены системой обвинительных доказательств для принятия прокурором законного, справедливого и обоснованного процессуального решения о передаче уголовного дела в суд. Таким образом, появился статистический критерий для учета раскрываемости преступлений.

Ключевые слова

раскрытие преступления, криминалистическая методика, уголовный процесс, доказательства

Для цитирования

Лубин А. Ф. О понятии «раскрытие преступлений» // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 43–50.
DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-43-50

On the Concept of “Disclosure of Crimes”

Alexander F. Lubin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation

ale-lubin@yandex.ru

Annotation

The article discusses various approaches to the definition of the concept of “crime detection”. Based on the coincidence of the purpose of the forensic methodology for investigating crimes and the purpose of the criminal process, a new interpretation of the concept under study is proposed. The disclosure of a crime must be proved by the results of the activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation. These results should be presented by a system of accusatory evidence for the prosecutor to make a legal, fair and justified procedural decision to transfer the criminal case to court. Thus, there was a statistical criterion for taking into account the detection of crimes.

Keywords

crime detection, forensic technique, criminal process, evidence

For citation

Lubin A. F. On the Concept of “Disclosure of Crimes”. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 43–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-43-50

В 2020 г. Нижегородская академия МВД России получила необычное, почти правительственное, задание ДГСК МВД России: «организовать обсуждение на заседаниях заинтересованных кафедр» и подготовить «мотивированный отзыв». Странность в том, что речь шла

© Лубин А. Ф., 2022

не о рукописи монографии или учебника, не о курсе лекций или учебном пособии, требовалось обсудить небольшую статью В. Ф. Статкуса «Раскрываемость, а не жестокость наказания может повлиять на сокращение преступности», опубликованную в «Информационном бюллетене Следственного департамента МВД России» (2018, № 3).

Автор статьи (объемом не более 0,25 п. л.) в очередной раз поставил на обсуждение «вечный» вопрос: каким образом «улучшить» раскрываемость преступлений? Он и ранее обращался к указанной проблематике [22; 23; 24], однако, как и прежде, воздержался от определения понятия «раскрытие преступления», поскольку улучшить то, что не определено, довольно сложно.

Законодательного определения понятия «раскрытие преступления» не существует, наверное, потому что его смысл интуитивно понятен каждому и устраивает большинство людей. Однако этот смысл весьма текуч – данное понятие многозначно в толковании и употреблении [16, с. 10; 19, с. 18]. Однако разобраться в сущности теоретической и практической проблемы раскрываемости преступления никогда не поздно. Практика давно нуждается в этом. Тем более, что в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки от 12 мая 2017 г. в Генеральной прокуратуре РФ было создано Главное управление правовой статистики и информационных технологий. На это управление возложена обязанность «ведения государственного единого статистического учета раскрываемости преступлений»¹. Первые же опыты работников этого Управления Генеральной прокуратуры РФ и – особо – Отдела проверок достоверности государственной статистической отчетности показали, что прежняя система учета раскрываемости преступлений изжила себя. С одной стороны, многозначность толкования самого понятия «раскрытие преступления», а с другой – «палочная» система показателей работы оперативных и следственных подразделений в МВД РФ делают уголовную статистику «жалкими отголосками реальной ситуации» [11, с. 8].

Например, Управление правовой статистики прокуратуры Санкт-Петербурга за первое полугодие 2018 г. выявило более 46 тысяч фактов искажения различных показателей статистической отчетности, характеризующих состояние преступности и результаты раскрытия и расследования уголовных дел. Из указанного количества более 40 тысяч нарушений допущено следователями и дознавателями ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, более 4 тысяч – следователями ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, около 1 тысячи – дознавателями УФССП России по Санкт-Петербургу².

Заметим, что доминирующие представления о понятии «раскрытие преступления» носят оперативно-разыскной смысл – «преступник найден». При этом характерна процедура «выставления» следователем статистической карточки, чему всегда рады оперативные работники – «преступление раскрыто». Все остальные варианты имеют отношение, главным образом, к процессуальным стадиям предварительного расследования преступления.

Так, некоторые авторы связывают раскрытие преступления со временем появления процессуальной фигуры подозреваемого, его задержанием, избранием меры пресечения и допросом [12, с. 35–37; 13, с. 152]. Другие авторы – с решением вопроса о предъявлении обвинения [5, с. 23–25; 6, с. 50]. Третьи – с моментом установления в полном объеме всех элементов предмета доказывания [10, с. 38].

Н. П. Яблоков удивительным образом попытался объединить все позиции. Для этого он посчитал возможным разделить раскрытие преступления на три стадии: 1) «Раскрытым (не полностью) преступление считается, когда установлены существенные для разрешения

¹ Положение о Главном управлении правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации», подп. 3.4, 4.1, 4.2, 4.5, 5.1.1 (утв. Генпрокуратурой России 31 июля 2017 г.).

² URL: <https://riafan.ru/1119315-oficialnaya-statistika-mvd-neaktualna-ona-ne-uchla-bolee-3-tysyach-chelovek-pogibshikh-v-rezultate-prestuplenii> (дата обращения: 15.02.2022).

дела фактические обстоятельства, а также лицо, совершившее преступление, которому может быть предъявлено обвинение... 2) полностью раскрытым преступление на стадии предварительного расследования считается, когда составлено обвинительное заключение по делу и оно утверждено прокурором; 3) окончательно полностью (так в оригинале. – А. Л.) раскрытым преступление считается после вступления приговора в законную силу». Позже Н. П. Яблоков усилил свою точку зрения дополнительными аргументами.

Ранее этот «революционный» вариант уже предлагался И. М. Лузгиным: «Раскрытым является такое преступление, по которому приговор вступил в законную силу» [14, с. 89]. Оценивая это предложение, А. Герасун написал: «Действительно, если быть последовательным, нужно говорить о признании преступления раскрытым только и исключительно на основе приговора. Но так далеко никто не заходит, ибо это бы означало возложение ответственности за полное раскрытие преступления на суд и снижение требований, предъявляемых к органам дознания и следствия, что не имеет ни научного, ни практического смысла» [8, с. 57].

Весьма трудная задача – уйти от оперативно-разыскной и процессуальной трактовки, а затем обосновать и раскрыть «криминалистическое понятие раскрытия преступления», определить его сущность и значение. Свою версию предложил Ф. Ю. Бердичевский. Содержанием криминалистического понятия раскрытия преступления, по его мнению, является «деятельность по расследованию преступления, осуществляемая в условиях отсутствия информации, делающей известность личность преступника, заключающаяся в отыскании такой информации и ее использование для доказывания искомых фактов» [4, с. 131]. Сказать по-другому: раскрытие преступления – это установление преступника. Версия оказалась не новой – по сути, автор не ушел от оперативно-разыскного толкования понятия.

Нужно согласиться с профессором Р. С. Белкиным, что раскрытие преступления – это совместная задача следователя и оперативно-разыскных аппаратов органов внутренних дел. Этот тезис послужил основой формирования «явно надуманной общей теории раскрытия преступлений» [2, с. 378–390]. В эту теорию И. Ф. Герасимов включил и сущность, и этапы, и задачи раскрытия преступления, которые можно считать как «деятельность соответствующих органов и лиц» [7].

Позднее Р.С. Белкин связал криминалистическое понимание раскрытия преступления с «периодизацией этапов процесса, а значит, и с решением вопроса о структуре частной методики и содержанием ее частей». И предложил криминалистическое определение раскрытия преступления: «это – деятельность по расследованию преступления, направленная на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом». И далее: «Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемое понятие не может быть положено в основу учета раскрытых преступлений или служить определению показателей раскрываемости: для этой цели годится только жесткий однозначный критерий, в качестве которого был вполне пригоден ранее существовавший, когда преступление считалось раскрытым при наличии достаточных оснований для предъявления обвинения...» [2, с. 383].

Круг замкнулся – снова возник призрак уголовного процесса. Это не может быть случайностью.

Р. С. Белкин прав: целями «применения частной криминалистической методики» являются «раскрытие и расследование преступления» [3, с. 777]. Тогда логично утверждать, что цели криминалистической методики расследования и раскрытия преступлений и цели уголовного процесса должны совпадать [9, с. 342–344]. Криминалистика «работает» на уголовный процесс. Здесь следует вспомнить Н. А. Селиванова, который рассматривал криминалистическую методику в виде «обусловленной предметом доказывания системы взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, в целях установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных способов совершения преступления данного вида, следственных ситуаций и характерных для их расследования особенностей при-

менения тактических приемов и научно-технических средств» [21, с. 112]. Н. А. Селиванов делает упор на доказывании по уголовному делу, как цели оптимальной программы следственных действий.

Но что является целью уголовного процесса?

На этот вопрос современные процессуалисты не отвечают. Вернее, так: отвечают, что целеполагание в уголовном процессе является важным фактором. «Модель совершенного уголовного процесса, – пишет М. П. Поляков, – не может быть разработана без четкого уяснения его цели и расстановки приоритетов путем выявления и градации задач...» [18, с. 22]. «Уголовный процесс, – замечает Г. А. Печников, – в котором отсутствует общая цель, претерпевает метаморфозу – средства становятся целью» [17, с. 346]. А. В. Азаренок сразу заключил, что «действующий УПК РФ не содержит четкого определения цели и задач уголовного процесса, что не согласуется с научным положением о целенаправленности человеческой деятельности». И привел список работ, в которых делаются попытки устранить это «упущение» [1, с. 3].

Во всяком случае, «плавающее» целеполагание (не путать с назначением – ст. 6 УПК РФ) уголовного процесса не содействует его криминалистическому обеспечению. Получается, что криминалистические – технические, тактические и методические – средства не имеют цели использования.

Если криминалистическую методику расследования преступлений понимать как средство содействия достижению цели уголовного процесса, то эта цель должна быть понятной и достаточно прагматичной для тех, кто формирует (разрабатывает, создает) конкретную методику расследования преступлений и для тех, кто ее практически использует. Если цель уголовного процесса недостаточно четко определена, то для криминалистической методики расследования преступлений оказывается невозможным вычлнить главные (системообразующие) условия, оказывающих влияние на результативность работы субъектов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной форм деятельности. Тогда закономерен принципиальный вопрос: что является действительной целью уголовного процесса как практической деятельности?

С нашей точки зрения, цель, в которую верит правоприменитель, всегда относится к будущему. Однако она сильнейшим образом влияет на его действия в настоящем. Цель предопределяет всю технологию уголовного процесса. Нам представляется до сих пор актуальной «немецкая теория процесса как юридического отношения» [25, S. 4]. Эта теория в свое время нашла многих сторонников в России. Заметим, что в уголовно-процессуальной литературе ФРГ цели уголовного процесса определяются по господствующей доктрине. Она гласит: «Целью уголовного процесса является достижение решения относительно уголовной ответственности (наказуемости) обвиняемого, соответствующего уголовному закону, обеспечиваемого процессуально правомерным путем, восстанавливающего правовой мир (правопорядок)». При этом подчеркивается, что «в уголовном процессе существует конфликт целей» [26, S. 5].

В свое время Н. Н. Розин утверждал: «Под процессом или судопроизводством в его широкой теоретической обрисовке, разумеется взаимоотношение прав и обязанностей определенных субъектов, именно сторон и суда, имеющее своей задачей разрешение правового спора» [20, с. 18]. П. И. Люблинский отмечал, что «процесс проникнут началом стремления к определенному конечному решению, началом целесообразности» [15, с. 37]. Поскольку эти положения исторически не оказались «вне спора», то имеются вполне достаточные основания считать целью и современного уголовного процесса – *законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовно-правового юридического спора уполномоченными органами, наделенными процессуальными возможностями применения принуждения*.

Исходя из данного определения логично утверждать, что основной целью конкретной методики расследования преступлений является формирование минимальной совокупности (системы) доказательств, необходимых для оправдания уголовно-процессуальных решений в ходе и по результатам доказывания. Именно для случая конкретного доказывания, пожалуй, применима радикальная мера: изгнать понятие «объективная истина» и заменить его иным понятием

цели доказывания – «обоснованное решение». При таком подходе доказательство только тогда имеет смысл, когда оно выступает средством, а не целью уголовно-процессуальной деятельности. Отсюда правомерно ставить вопрос о функции доказывания в криминалистической методике расследования преступлений.

Термин «доказывание» – это представление, с соблюдением процедур уголовно-процессуального закона, аргументации познанной сущности, заключенной в следах преступления. Но не может быть никакого доказывания без расследования («следования по следам») и без раскрытия (понимания сути этих следов). Расследование, раскрытие и доказывание – это «технологические шаги» одной и той же человеческой деятельности – в нашем случае – функции доказывания. Подчеркнем, названные «шаги» выделяются в методологическом ключе. В реальной же действительности (в онтологии) они недостаточно ясно различимы: расследование, раскрытие и доказывание, как правило, происходит (или должно происходить) слитно (синкретично), одновременно – именно как функция. В противном случае: «Не могу идти по следам, ибо не понимаю их смысла. Нет смысла – нечего и доказывать».

Динамика структурных превращений следов преступления в доказательства, а последних – в доказательственные факты – это и есть то, что можно именовать функцией доказывания в криминалистической методике.

Таким образом, раскрытие преступления необходимо доказывать результатами деятельности органов дознания и предварительного расследования. Эти результаты должны быть представлены системой обвинительных доказательств для принятия прокурором законного, справедливого и обоснованного процессуального решения о передаче уголовного дела в суд. Наступил момент истины – для Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ предлагается критерий для статистического учета раскрываемости преступлений.

Список литературы

1. **Азаренок А. В.** Программа уголовно-процессуальной деятельности: теоретический и нормативный аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 221 с.
2. **Белкин Р. С.** Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
3. **Белкин Р. С.** Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2001. 837 с.
4. **Бердичевский Ф. Ю.** О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 131–149.
5. **Гаврилов А. Н.** Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976. 207 с.
6. **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 184 с.
7. **Герасимов И. Ф.** Проблемы общей теории раскрытия преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 28–31.
8. **Герасун А.** Раскрытие преступления // Социалистическая законность. 1972. № 8. С. 57–61.
9. **Гончан Ю. А., Афанасьев А. Ю., Лубин А. Ф.** Цель криминалистической методики расследования преступлений – система доказательств для принятия уголовно-процессуальных решений // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки РФ, заслуж. юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М. А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 340–344.
10. **Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.** Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. 367 с.

11. **Калабеков И. Г.** Российские реформы в цифрах и фактах. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУСАКИ, 2017. 288 с.
12. **Калинин Ю. В.** О понятии раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 35–42.
13. **Карпец И. И.** Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. 168 с.
14. **Лузгин И. М.** Методологические проблемы расследования. М., 1973. 215 с.
15. **Люблинский П. И.** Новая теория уголовного процесса. Пг., 1916. 44 с.
16. **Образцов В. А.** Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 108 с.
17. **Печников Г. А.** О значении цели в судопроизводстве в свете диалектического взгляда Сократа о презумпциях, фикциях в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 346–358.
18. **Поляков М. П.** Национальные интересы как приоритет отечественного уголовного процесса // Проблемные ситуации применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Материалы науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 22.
19. **Робозеров В. Ф.** Раскрытие преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Л.: Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1990. 138 с.
20. **Розин Н. Н.** Уголовное судопроизводство. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. книж. склада «Право», 1916. 547 с.
21. **Селиванов Н. А.** Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 180 с.
22. **Статкус В.** Криминалистика – наука о средствах, приемах и рекомендациях по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики: Материалы Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). М.: Академия управления МВД РФ, 2002. С. 44–48.
23. **Статкус В. Ф.** Повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по раскрытию преступлений // Задачи следственного аппарата органов внутренних дел в свете новой Конституции СССР: Материалы конференции / Под ред. Ю. А. Кукушкина, В. А. Михайлова. Волгоград, 1979. С. 62–67.
24. **Статкус В. Ф.** Раскрытие преступлений – важнейшее средство борьбы с преступностью // Государство и право. 1998. № 4. С. 66–73.
25. **Rosshirt K. F.** Geschichte und System des deutschen Strafrechts. Stuttgart: Schweizerbart, 1838. VIII, 360 S.
26. **Roxin C.** Strafverfahrensrecht. 24 Auflage. München: C. H. Beck, 1995. 522 S.

References

1. **Azarenok A. V.** The program of criminal procedure activity: theoretical and normative aspects. PhD in Law Dis. Yekaterinburg, 2009, 221 p. (in Russ.)
2. **Belkin R. S.** Criminology course. In 3 vols. T. 3. Forensic tools, techniques and recommendations. Moscow, Yurist, 1997, 480 p. (in Russ.)
3. **Belkin R. S.** Criminology course. Textbook for universities. 3rd ed., supplemented. Moscow, UNITY–DANA, Law and law, 2001, 837 p. (in Russ.)
4. **Berdichevsky F. Yu.** On the subject and conceptual apparatus of criminalistics. In: Questions of combating crime. Moscow, 1976, issue. 24, pp. 131–149. (in Russ.)
5. **Gavrilov A. N.** Disclosure of crimes. Volgograd, 1976, 207 p. (in Russ.)
6. **Gerasimov I. F.** Some problems of solving crimes. Sverdlovsk, Middle-Ural book publishing house, 1975, 184 p. (in Russ.)

7. **Gerasimov I. F.** Problems of the general theory of crime detection. In: Actual problems of Soviet criminalistics. Moscow, 1980, pp. 28–31. (in Russ.)
8. **Gerasun A.** Detection of a crime. *Socialist Legality*, 1972, no. 8, pp. 57–61. (in Russ.)
9. **Gonchan Yu. A., Afanasiev A. Yu., Lubin A. F.** The purpose of the forensic methodology for investigating crimes is a system of evidence for making criminal procedural decisions. In: Modern Forensic Science: Problems, Trends, Prospects. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the RSFSR, Doctor of Law Sciences, Professor Nikolai Pavlovich Yablokov. Ed. M. A. Lushechkin. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 340–344. (in Russ.)
10. **Zhugin N. V., Fatkullin F. N.** Preliminary investigation in the Soviet criminal process. Moscow, Yurid. lit., 1965, 367 p. (in Russ.)
11. **Kalabekov I. G.** Russian reforms in figures and facts. 2nd ed., rev. and add. Moscow, RUSAKI, 2017, 288 p. (in Russ.)
12. **Kalinin Yu. V.** On the concept of solving crimes. In: Issues of forensic methodology, tactics and methods of investigation. Moscow, 1973, pp. 35–42. (in Russ.)
13. **Karpets I. I.** The problem of crime. Moscow, Yurid. lit., 1969, 168 p. (in Russ.)
14. **Luzgin I. M.** Methodological problems of investigation. Moscow, 1973, 215 p. (in Russ.)
15. **Lyublinsky P. I.** New theory of criminal procedure. Petrograd, 1916, 44 p. (in Russ.)
16. **Obraztsov V. A.** Theoretical foundations for solving crimes related to the improper performance of professional functions in the sphere of production. Irkutsk, Irkutsk University Publishing House, 1985, 108 p. (in Russ.)
17. **Pechnikov G. A.** On the meaning of the goal in legal proceedings in the light of the dialectical view of Socrates on presumptions, fictions in the criminal process. *“Black holes” in Russian legislation*, 2004, no. 3, pp. 346–358. (in Russ.)
18. **Polyakov M. P.** National interests as a priority of the domestic criminal process. In: Problem situations in the application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Proceedings of scientific and practical conference. Saransk, 2004, p. 22. (in Russ.)
19. **Robozarov V. F.** Disclosure of crimes committed in conditions of non-obviousness. Leningrad, Institute for the improvement of investigative workers at the USSR Prosecutor’s Office, 1990, 138 p. (in Russ.)
20. **Rozin N. N.** Criminal litigation. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg, St. Petersburg: Publication of the legal book warehouse “Right”, 1916, 547 p. (in Russ.)
21. **Selivanov N. A.** Soviet criminalistics: a system of concepts. Moscow, Yurid. lit., 1982, 180 p. (in Russ.)
22. **Statkus V.** Criminalistics – the science of means, methods and recommendations for the disclosure, investigation and prevention of crimes. In: The role and significance of the activity of R. S. Belkin in the development of modern criminology. Proceedings of the International scientific conference (on the occasion of the 80th anniversary of the birth of R. S. Belkin). Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002, pp. 44–48. (in Russ.)
23. **Statkus V. F.** Improving the efficiency of internal affairs bodies in solving crimes. In: Tasks of the investigative apparatus of internal affairs bodies in the light of the new Constitution of the USSR. Materials of the conference. Ed. Yu. A. Kukushkina, V. A. Mikhailova. Volgograd, 1979, pp. 62–67. (in Russ.)
24. **Statkus V. F.** Disclosure of crimes – the most important means of combating crime. *State and law*, 1998, no. 4, pp. 66–73. (in Russ.)
25. **Rosshirt K. F.** Geschichte und System des deutschen Strafrechts. Stuttgart, Schweizerbart, 1838, VIII, 360 S.
26. **Roxin C.** Strafverfahrensrecht. 24 Auflage. München, C. H. Beck, 1995, 522 S.

Информация об авторе

Лубин Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики

Information about the Author

Alexander F. Lubin, doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics

*Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 02.09.2022;
approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*

Научная статья

УДК 343.8

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-51-58

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в условиях российских пенитенциарных учреждений: состояние и меры противодействия

Татьяна Игоревна Егорова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации
Рязань, Россия
madamti62@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются особенности распространения и противодействия новой коронавирусной инфекции в российских пенитенциарных учреждениях. Отдельное внимание уделяется вопросам содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в условиях изоляции, а также связанным с этим рекомендациям Верховного Суда РФ. Результаты исследования порядка и условий изоляции в российских пенитенциарных учреждениях наряду с соматическими показателями возраста и здоровья лиц, содержащихся в них, дают основания для обоснованной тревоги существования повышенных рисков распространения COVID-19. Однако практика показывает, что своевременно предпринятые государством санитарно-эпидемиологические меры и специальные ограничения режимного характера в условиях изоляции сдержали распространение заболевания. Делаются выводы о необходимости изменения некоторых положений УК РФ, УПК РФ и уголовно-исполнительного законодательства для обеспечения возможности безотлагательной коррекции уголовной политики и правоприменения в условиях режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера.

Ключевые слова

новая коронавирусная инфекция (COVID-19), пенитенциарные учреждения, заключение под стражу, лишение свободы, здравоохранение, медицинская помощь

Для цитирования

Егорова Т. И. Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в условиях российских пенитенциарных учреждений: состояние и меры противодействия // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 51–58. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-51-58

The spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the conditions of Russian penitentiary institutions: the state and counteraction measures

Tatyana I. Egorova

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation
Ryazan, Russian Federation

madamti62@yandex.ru

Annotation

The article examines the peculiarities of the spread and counteraction of the new coronavirus infection in Russian penitentiary institutions. Special attention is paid to the issues of keeping suspects, accused and convicted persons in isolation, as well as related recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation. The results of the study of the order and conditions of isolation in Russian penitentiary institutions, together with somatic indicators of the age and health of persons held in them, give grounds for reasonable alarm about the existence of increased risks of the spread of COVID-19. However, practice shows that timely sanitary and epidemiological measures taken by the state and special restrictions of a regime nature in isolation have restrained the spread of the disease. Conclusions are drawn about the need to change some provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the penal enforcement legislation to ensure the possibility of urgent correction of criminal policy and law enforcement in conditions of high readiness for natural and man-made emergencies.

Keywords

new coronavirus infection (COVID-19), penitentiary institutions, detention, imprisonment, healthcare, medical care

For citation

Egorova T. I. The spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the conditions of Russian penitentiary institutions: the state and counteraction measures. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 51–58. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-51-58

Современные угрозы появления и распространения новых инфекционных заболеваний являются достаточно актуальными для учреждений уголовно-исполнительной системы, так как здоровье тюремного населения представляет собой часть общественного здравоохранения. Выработанные меры охраны санитарно-эпидемиологического благополучия общества в режиме повышенной готовности к распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) показали высокую эффективность, в том числе, в условиях изоляции.

По мере прогрессирования пандемии борьба приобрела статус более ответственной задачи и потребовала подхода, охватывающего все мировое сообщество. В целях координации всеобщего противодействия распространению новой коронавирусной инфекции, которая «убивает людей, распространяя человеческое страдание и разрушение», ООН приняла официальные рекомендации «Общая ответственность, глобальная солидарность: реагирование на социально-экономические последствия КОВИД-19»¹.

Первым шагом к началу наиболее прочной и совместной реакции в рассматриваемой сфере международное сообщество назвало состояние здравоохранения, позволяющее реагировать на заболевание так эффективно, как мир никогда не видел. В рамках этого ООН настаивает на сокращении численности тюремного населения с помощью соответствующих мер контроля или досрочного освобождения. В связи с этим во многих странах принимаются региональные решения об освобождении из мест заключения наименее опасных преступников, совершивших наименее тяжкие преступления, имеющих серьезные заболевания. Несколько

¹ Shared Responsibility, Global Solidarity: Responding to the Socio-Economic Impacts of COVID-19 / United Nations. New York, 2020. 24 p.

сотен заключенных, наиболее уязвимых к инфекции COVID-2019, были выпущены на свободу из пенитенциарных учреждений Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Кливленда².

Практическая ориентация судей на сокращение тюремного населения в российских пенитенциарных учреждениях наблюдается все последние годы. За 10 лет уголовно-правового реформирования мера пресечения в виде заключения под стражу стала применяться почти в четыре раза реже, число осужденных к реальному лишению свободы сократилось в два раза. В результате число лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, сократилось наполовину. Подавляющее большинство из них подозреваются, обвиняются или осуждены при рецидиве за совершение тяжких или особо тяжких преступлений³.

В связи с распространением эпидемии в обществе досрочное освобождение тюремного населения требует разработки и внедрения специальных правовых оснований, которые бы учитывали не только категорию и вид совершенного преступления, но и кратность правонарушения, поведение в период отбывания наказания, а также состояние соматического здоровья, чтобы освобожденный не стал источником распространения инфекции после неизбежного социального контактирования. С другой стороны, освобождение тяжело больных осужденных имеет определенные препятствия, поскольку требует исследования вопроса о месте их проживания после освобождения, доступности при этом медицинской помощи, лечения, а также ухода и помощи со стороны близких.

30 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)⁴. В частности, подтверждена позиция исключительности принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока действия данной меры пресечения, особенно в условиях проведения карантинных мероприятий в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах в отношении лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести. Подобное решение, как указал Европейский суд по правам человека в постановлении от 15 мая 2008 г. по делу «Попков (Popkov) против Российской Федерации» (жалоба № 32327/06), однако, не должно основываться на условиях «своевременности» или «несвоевременности». Национальные власти обязаны установить и продемонстрировать существование конкретных случаев, предусмотренных ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, перевешивающих правило уважения личной свободы и права на личную неприкосновенность.

Кроме того, высший орган судебной власти Российской Федерации признанно необходимым безотлагательное рассмотрение судами ходатайств осужденных и их защитников об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, а также об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ.

Термин «безотлагательность» возможно уяснить исходя из п. 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Он раскрывает содержание права заключенного на судебный порядок рассмотрения правомерности решения о заключении под стражу и на освобождение

² Дунаевский И. Домой на нары. Американские тюрьмы начнут отпускать заключенных под домашний арест из-за вспышки COVID-19 // Рос. газета. 2020. 6 апр.

³ Статья Председателя Верховного Суда Вячеслава Лебедева для «РГ». Главное // Рос. газета. 2020. 13 окт.

⁴ Обзор Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 30 апреля 2020 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

ние, если заключение под стражу признано судом незаконным. Безотлагательность в случае рассмотрения материалов о досрочном освобождении от отбывания наказания в условиях распространения коронавирусной инфекции подразумевает отсутствие очередности судопроизводства при принятии дела к рассмотрению и вынесение решения в разумный срок, т. е. «возбуждение судебного производства и разрешение поступившего обращения в первоочередном порядке и без неоправданных задержек» [4, с. 169]. В постановлении по жалобам № 67485/17 и 24014/18 «Р. Р. и А. Р. против Российской Федерации» от 8 октября 2019 г. Европейский суд по правам человека указал, что реализация значения «безотлагательно» зависит от конкретных особенностей дела, но не означает, что сложность, пусть даже исключительная, освобождает государственные органы от основных обязательств по эффективному судопроизводству.

В то же время исторически известные эпидемии смертельных заболеваний в местах изоляции, когда «смертность среди заключенных доходила до ужасающих размеров», а сами тюрьмы становились «источником эпидемических болезней, опустошавших окрестности»⁵, описываемые еще Джоном Говардом, не типичны для современных пенитенциарных учреждений. Очевидно, что они отвечают более цивилизованным условиям содержания заключенных, чем известные английскому реформатору.

Однако современная миграционная и санитарно-эпидемиологическая ситуация вызывает особую тревогу, поскольку COVID-19 быстро передается между заключенными, персоналом и посетителями, между исправительными учреждениями и местами заключения при этапировании и перемещении тюремного населения. Скрытое во многих случаях течение заболевания способно создать ситуацию, при которой вспышки инфицирования в местах лишения свободы могут быть растянуты во времени и не иметь связи с общей региональной заболеваемостью в месте дислокации пенитенциарного учреждения.

Заключенные, содержащиеся в исправительных учреждениях или местах содержания под стражей, более уязвимы для инфекционных заболеваний. Они постоянно находятся в изолированном пространстве. Вместе с тем персонал, обеспечивающий государственно-правовое принуждение, и посетители, осуществляющие процессуальное сопровождение расследования или юридическую помощь, а также родственники, прибывающие на свидания, не ограничены в свободных контактах. Все это создает особую угрозу инфицирования заключенных и распространения заболевания.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН специально предусматривают требование обязательного медицинского осмотра каждого заключенного, принимаемого в учреждение, чтобы установить состояние здоровья, принять необходимые меры изоляции «заключенных, о которых можно предположить, что они страдают какой-либо инфекционной или заразной болезнью» (п. 24)⁶. Данное положение связано с необходимостью обеспечения личной безопасности как каждого отдельного осужденного, нуждающегося в медицинской помощи, так и остальных лиц, находящихся в условиях принудительной изоляции или выполняющих свою работу. По верному замечанию А. К. Теохарова, обеспечение инфекционной безопасности в современный период представляется одним из приоритетных направлений в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы [3, с. 116].

Как УИК РФ (ч. 5 ст. 80), так и Федеральный закон РФ № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ч. 2 ст. 33) от 5 июля 1995 г. предусматривают правило раздельного содержания заключенных и осужденных, больных инфекционными заболеваниями. В отличие от осужденных, прибывающих в исправительное учреждение, осужденные, взятые под стражу в зале суда, подозреваемые, обвиняемые

⁵ Д. Говард, его жизнь и общественно-филантропическая деятельность: Биограф. очерк Г. Б. Слиозберга. СПб., 1891. С. 29. (Жизнь замечательных людей)

⁶ Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990. С. 290–311.

в следственном изоляторе после прохождения медицинского освидетельствования немедленно распределяются по камерам с учетом требований отдельного содержания. Их размещение на период оформления учетных документов до одних суток может быть обеспечено в камерах сборного отделения с соблюдением дифференциации. Кроме того, в местах предварительного заключения находятся лица, следующие транзитом из других мест заключения. В связи с этим обеспечение соматической безопасности осужденных в СИЗО обоснованно вызывает общественное беспокойство⁷.

Достаточно большую проблему составляет обеспечение соматической защищенности здоровья лиц, которые относятся к группе риска в связи с достижением 65-летнего возраста. В последние годы отмечается тенденция к увеличению данной категории осужденных. В 2020 г. их число в учреждениях уголовно-исполнительной системы составило 3282 человека (в +7 % к 2019 г.). Основное увеличение осужденных при этом произошло за счет так называемого накопления, связанного с отбыванием длительных сроков лишения свободы в колониях строгого режима. Тогда как, по верному мнению С. Х. Шамсунова и И. Н. Медведевой, в отечественных пенитенциарных учреждениях, построенных в середине XX в., при планировке и строительстве первоначально не учитывались потребности безопасного содержания осужденных пожилого возраста с ограниченными возможностями здоровья [5, с. 9–14].

В системе российских пенитенциарных учреждений до последнего времени наиболее распространенными и опасными заболеваниями являлись ВИЧ-инфекция, вирусный гепатит (ХВГ) В и/или С, активная форма туберкулеза, сифилис. В различных регионах России данные заболевания диагностируются у более чем 50 % осужденных [1, с. 123], определенная часть которых содержится в специализированных лечебных и лечебно-профилактических исправительных учреждениях. Кроме того, по данным ряда исследователей, в местах лишения свободы заболеваемость выше, чем в целом по стране: туберкулезом – в 19,4 раза, ВИЧ-инфекцией – в 26,9, сифилисом – в 8,9 раза [2, с. 29]. Подобная ситуация складывается из-за более высокой фоновой распространенности инфекций среди осужденных, заболевших до помещения в пенитенциарные учреждения, более высоких стрессовых факторов, увеличения длительности течения заболеваний и риска заражения при неизбежных тесных контактах в заполненных заключенными, недостаточно интенсивно проветриваемых помещениях. К тому же среди тюремного населения нормой является мультиморбидность. Соматические заболевания проявляются часто более остро и протекают более сложно, чем в общей характеристике. Неадекватные инвестиции в тюремное здравоохранение и жесткий режим обеспечения безопасности создают трудности для диагностики и лечения заболеваний.

По подсчетам европейских экспертов, средняя сумма расходов на одного заключенного в день в России составляет 2,4 евро, тогда как в Европе – 68,3 евро⁸. С учетом уровня финансирования вспышки COVID-19 в условиях изоляции имеют непредсказуемое значение для государственного управления, так как могут привести к перегрузке пенитенциарных служб здравоохранения, потребовать привлечения дополнительных ресурсов. К сожалению, все усилия государства, скорее всего, будут неэффективны, если в местах изоляции не предпринимаются строгие меры по профилактике и контролю инфекции, своевременному тестированию, лечению и уходу.

В соответствии с поручением Правительства РФ «О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» от 31 марта 2020 г. учреждения ФСИН России оперативно обеспечены средствами ин-

⁷ Петров И. Во всех московских СИЗО из-за коронавируса отменены свидания и прием передач // Рос. газета. 2021. 20 янв.

⁸ Куликов В. Тюрьма уже не многолюдна. Совет Европы отметил снижение тюремного населения в России // Рос. газета. 2020. 8 апр.

дивидуальной защиты, тест-системами и медицинским оборудованием для борьбы с новой коронавирусной инфекцией. В частности, для ведомственных учреждений пенитенциарного здравоохранения закуплены устройства для увлажнения кислорода, анализаторы газов крови и электролитов, маски неинвазивной вентиляции легких, лекарственные препараты, необходимые для своевременного лечения COVID-2019. В санитарно-гигиенических целях в учреждениях уголовно-исполнительной системы организована обработка помещений дезинфицирующим раствором и бактерицидными облучателями, в проходных коридорах размещены дезинфицирующие коврики и маты, проводятся другие профилактические мероприятия.

Принятые ФСИН России административно-режимные меры – введение круглосуточной рабочей недели для своих сотрудников и карантинные мероприятия для заключенных под стражу и осужденных – показали эффективность в сдерживании заболеваемости.

По данным главного внештатного инфекциониста ФСИН Г. В. Каминского, в соответствии с постановлением Главного государственного санитарного врача РФ № 9 «О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019» от 30 марта 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы проведено более 200 тысяч лабораторных исследований на выявление коронавирусной инфекции, в том числе около половины исследований – в ведомственных иммунологических лабораториях. Всего протестировано более трети обвиняемых, осужденных и работников уголовно-исполнительной системы. За 9 месяцев пандемии было выявлено и лабораторно подтверждено 1465 случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных. При этом выздоровели 1369 человек, остальные находятся на излечении⁹.

Таким образом, администрации пенитенциарных учреждений России удалось сдержать неконтролируемое распространение заболеваемости среди тюремного населения благодаря своевременности и комплексному подходу к организации режимных, санитарно-эпидемиологических и лечебных мероприятий.

Однако актуальна проблема приведения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с требованиями Федерального закона № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г., Федерального закона № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. и современных социальных условий развития чрезвычайных ситуаций, вызывающих экстремальное положение и вызванные этим нервно-соматические перегрузки при реализации мер государственно-правового принуждения, а также неизбежность дополнительного ограничения прав и свобод граждан.

В связи с этим предлагается дополнить УК РФ положениями, ограничивающими право суда в период введения режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера назначать наказание в виде лишения свободы на определенный срок лицам, достигшим 65-летнего возраста, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, закрепив их в ст. 58 УК РФ. Аналогичное ограничение следует сформулировать в отношении меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, достигших 65-летнего возраста, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Уголовно-исполнительное законодательство также нуждается в совершенствовании в связи с динамично меняющимся характером угроз в современном мире. Статья 48 Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. и ст. 85 УИК РФ предусматривают введение режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Однако среди оснований принятия подобного управленческого решения отсутствует упоминание о введении режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера.

⁹ Обзор Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики...

Вместе с тем введение указанного режима предполагает помимо усиления надзорных и охранных мероприятий возможность ограничения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, таких, как получение посылок и передач, проведение свиданий и отпусков с выездом из исправительного учреждения и некоторых других. Фактически все указанные меры были предприняты в связи с экстремальными условиями распространения новой коронавирусной инфекции. Однако для системного обеспечения законности ограничения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных при введении режима особых условий функционирования следственных изоляторов и исправительных учреждений достаточно обоснованным и своевременным представляется дополнение указанных правовых норм непосредственным указанием на введение на всей территории России или ее отдельных субъектов режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера как основания для усиления мер изоляции подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Таким образом, сложившаяся санитарно-эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением COVID-2019, безусловно, затрагивает права, свободы и законные интересы многих людей. Особую остроту она приобретает в условиях изоляции, предполагая принятие государством быстрых и эффективных мер по обеспечению безопасности части населения, не имеющей возможности самостоятельной соматической защиты. Создание необходимых правовых предпосылок по своевременному реагированию правоприменительной практики на введение режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера способно обеспечить законное и обоснованное правоограничение.

Список литературы

1. **Загдын З. М.** ВИЧ/туберкулез в местах лишения свободы на северо-западе России // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 1. С. 123–143.
2. **Михайлова Ю. В., Нечаева О. Б., Самарина Е. А., Тихонова Ю. В., Шикина И. Б.** Инфекционные социально значимые заболевания в местах лишения свободы // Здравоохранение Российской Федерации. 2017. Т. 61, № 1. С. 29–35.
3. **Теохаров А. К.** Содержание ВИЧ-инфицированных осужденных в исправительных учреждениях // Уголовное право. 2018. № 1. С. 116–124.
4. **Филатьев В. А.** Решение о заключении под стражу как часть приговора: о немедленном исполнении и безотлагательном обжаловании // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 168–178.
5. **Шамсунов С. Х., Медведева И. Н.** К вопросу о приближении условий отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными инвалидами первой и второй групп к международным стандартам // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 9–14.

References

1. **Zagdyn Z. M.** HIV/tuberculosis in places of deprivation of liberty in the north-west of Russia. *Modern problems of healthcare and medical statistics*, 2019, no. 1, pp. 123–143. (in Russ.)
2. **Mikhailova Yu. V., Nechaeva O. B., Samarina E. A., Tikhonova Yu. V., Shikina I. B.** Infectious socially significant diseases in places of deprivation of liberty. *Healthcare of the Russian Federation*, 2017, vol. 61, no. 1, pp. 29–35. (in Russ.)
3. **Teokharov A. K.** The content of HIV-infected convicts in correctional institutions. *Criminal law*, 2018, no. 1, pp. 116–124. (in Russ.)
4. **Filatiev V. A.** The decision on detention as part of the sentence: on immediate execution and immediate appeal. *Actual problems of Russian law*, 2020, no. 5, pp. 168–178. (in Russ.)
5. **Shamsunov S. H., Medvedeva I. N.** On the issue of approximation of the conditions of serving a sentence in the form of deprivation of liberty by convicted disabled persons of the first and second

groups to international standards. *Penal enforcement system: law, economics, management*, 2020, no. 2, pp. 9–14. (in Russ.)

Информация об авторе

Егорова Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, докторант
SPIN 9919-0667

Information about the Author

Tatyana I. Egorova, PhD in Law, Doctoral student
SPIN 9919-0667

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 21.06.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 30.09.2022*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

¹ См. онлайн справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru